Защита Гурова

Автор:
Николай Леонов

Защита Гурова

Николай Иванович Леонов

Гуров #19

Никто в родном ведомстве полковника Гурова не поручал ему заниматься делом террориста, приговоренного к высшей мере. Но когда Гуров убеждается в том, что парня расчетливо подставили, он решает докопаться до истины… Обо всем этом захватывающий роман «Защита Гурова».

Николай Леонов

Защита Гурова

Пролог

Небольшая урна явно не могла вместить отходы современной цивилизации – вокруг нее валялось множество окурков, мятых пачек из-под сигарет, пустых пивных банок, пакетов из-под сока и прочий мусор. Из самой урны сиротливо торчала тряпичная кукла с оторванной головой. На обшарпанной стене дома, около которого стояла урна, висела доска неопределенного цвета, похоже, некогда она была красная, а буквы на ней – золотые, но краска давно облезла и прочитать можно было лишь слово «суд». А так как был это всего лишь суд, не райисполком, тем более не райком партии, то доску давно не обновляли, а сегодня, когда и Советы, и партию отменили, то яркими и ухоженными были

лишь вывески коммерческих магазинов.

Ведущие к подъезду три ступеньки, кособокие, облупившиеся двери, которые надсадно скрипели, пропуская неспешно проходивших людей, в сочетании с облезлыми стенами и уже упомянутой вывеской явствовали, что суд является учреждением затрапезным, малоуважаемым, хотя именно здесь, а не за сверкающими дверями роскошного магазина «Автозапчасти», расположенного по соседству, решались человеческие судьбы.

Коридор соответствовал внешнему виду здания и устало вздыхал рассохшимися половицами. Стоявшие вдоль окон массивные деревянные диваны были терпеливы, уж они-то перевидали на своем веку. В некогда роскошный особняк сразу же после октябрьского переворота их принесли веселые красноармейцы, они намеревались устроить здесь жилищную коммуну. Красноармейцев из красивого особняка быстро вытурили, в него въехало ОГПУ – организация серьезная. Но, так как она постоянно расширялась, двухэтажный особнячок стал тесен, и в него вселилась…

Впрочем, это лишь пролог к детективной истории, а не история государства Российского, потому, минуя десятилетия и несметное количество хозяев некогда барского особнячка, скажем, что вскоре после кончины Вождя здесь обосновался народный суд. А коли народный, значит – ничей, вот и стоял особнячок в таком плачевном виде вплоть до самой осени девяносто шестого.

Каждый суд, кроме положенных штатом чиновников, различного окраса преступников, не виновных, но тщательно охраняемых, регулярно посещают журналисты, телевизионщики, праздные любопытные и профессиональные «болельщики», которые знают всех сотрудников суда и Уголовный кодекс, все указы Президента, даже те, что он еще не успел подписать. «Болельщики», в основном пенсионеры, ведут между собой жаркие споры, обсуждая приговоры, вынесенные вчера, и те, что будут оглашены сегодня или завтра. Судебные знатоки, как и их коллеги в спорте, иных сферах деятельности человека, знают абсолютно все, в своих суждениях категоричны, безапелляционны. Если судить грубо, то судейских болельщиков можно разделить на две категории: консерваторов и либералов. Первые стеной стоят за вынесение предельно жестких приговоров, видя в них панацею от творящегося ныне беспредела, либералы пытаются в любом деле найти смягчающие вину обстоятельства. Наиболее жаркие баталии разворачиваются вокруг высшей меры, то есть расстрела. Убивать или не убивать? Консерваторы убеждены, что высшую меру

следует применять решительнее, даже ввести ее в статьи Уголовного кодекса, где она ныне отсутствует. Либералы считают, что в цивилизованном обществе убивать безнравственно в любом случае, статью о высшей мере наказания следует отменить. Либералов в коридорах суда было явное меньшинство.

Сегодня, когда ждали решения присяжных по обвинению гражданина Яндиева, террориста, взорвавшего в Москве автобус, в котором погибло пять человек, в том числе двое детей, самые ярые либералы помалкивали, жались по углам, словно обвинение в страшном преступлении бросало тень и на них.

Зал судебного заседания небольшой, однако и не маленький. Судите сами: по правую сторону от дверей расположены места для публики и прессы, здесь могут уместиться человек пятьдесят-шестьдесят. С левой стороны размещается клетка, натуральная клетка, словно в зоопарке. В ней могут находиться несколько человек. Сегодня сидит один – статный, молодой, лет двадцати пяти, не более, брюнет, смуглокожий, с карими глазами и правильными, можно сказать, чеканными чертами лица. Подобных парней сегодня в Москве можно видеть на рынках, в лавочках и магазинах, ресторанах и ночных казино. Известно, русские армян от грузин, абхазцев от азербайджанцев не отличают, как не различают китайцев, корейцев и японцев. И в таком отношении русских нет ни капли пренебрежения к нации.

Сидевший в клетке подсудимый был чеченец.

Рядом с клеткой стоял стол, за которым сидели адвокат и его помощник. Далее, в глубине зала, чуть правее стола адвоката, располагалась небольшая трибунка для свидетелей. Опять же справа от трибуны стол, за которым сидел прокурор, напротив свидетеля, на небольшом возвышении, – председатель суда, неподалеку – секретарь. Еще правее, практически у стены, места для присяжных заседателей.

Если бы человеческая ненависть была материальна, то сейчас в зале она достигла бы критической массы, грозила взрывом. Теракт в Москве был не первый, люди гибли и раньше, но преступника задержали впервые, судили впервые и смотрели ему в лицо тоже в первый раз. Подсудимый приводил людей в бешенство не только жестокостью содеянного, но и внешностью, манерой поведения. Был бы пришибленный, уродливый, богом обиженный. А сейчас, сидя в клетке, дрожал бы от страха, плакал, жался в угол, в последнем слове молил о пощаде – еще куда ни шло, а этот же не давал показаний в суде, от последнего

слова отказался, слушал приговор, гордо расправив плечи и с легкой нервной улыбкой на плотно сжатых губах.

Оператор телевидения снимал приговоренного и думал, что никто никогда не увидит этой пленки, в голову лезли высокопарные мысли об орле, которого можно поймать и посадить в клетку, но от этого он не перестанет быть орлом.

Председатель суда – молодая красивая женщина, может, излишне полная, таких женщин совсем недавно любили рисовать на огромных полотнах во ржи или в обнимку с буренкой либо трактором – читала приговор хорошо поставленным голосом. Но слова «…к высшей мере наказания…» потонули в едином рыке зала.

– Ему и расстрела мало! – раздался визгливый возглас.

У клетки появились дополнительные охранники, судья предвидела, что осужденного могут отбить и растерзать.

– Внимание! – Голос судьи перекрыл вой зала. – Всем оставаться на местах! Виновные в беспорядках будут задержаны и сурово наказаны!

Глава 1

За окном шелестел первыми золотистыми листьями сентябрь. Воскресное утро хмурилось тяжелыми тучами, но дождь не начинался, и счастливые москвичи самозабвенно горбатились на своих сотках.

Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам главка уголовного розыска МВД России полковник милиции Лев Иванович Гуров дачи не имел, потому отдыхал как белый человек. С чашкой кофе в руке он расхаживал по своей благоустроенной квартире и мешал любимой женщине собираться в дорогу. Мария была актрисой и, несмотря на абсолютный застой в кино, вечером улетала на съемки. Роль она получила благодаря тому, что снималась уже двадцать лет, имела множество друзей и поклонников, да к тому же в свои неполные сорок лет обладала прекрасной фигурой. Как объяснил по телефону режиссер, роль Марии в фильме заключалась в том, что она должна была войти

в комнату, где «гуляли» мужчины, обнаженной, с подносом в руках, расставить чашки с кофе, присесть на подлокотник кресла одного из мафиози, после чего опрокинуть чашку ему на брюки.

– Спасибо за заботу, Марик, – ответила Мария. – Ты не можешь найти кого-нибудь помоложе?

– Мария, я тоже проклинаю Люмьера с его паровозом, но у нас с тобой нет другой профессии. Поверь, дорогая, там есть чего сыграть. А насчет того, что голышом, так плевать, ты не вчера родилась. Мы сделаем один дубль в пеньюаре, его я и вмонтирую. Ну желает продюсер иметь в кадре обнаженную кинозвезду!

– Я посоветуюсь с мужем и позвоню.

– Вы что, расписались? – удивился режиссер.

– Мы не расписались, но Гуров – мой любимый мужчина. Хочешь с ним поговорить?

– Только без этого! – Режиссер поперхнулся. – Я думал, ты снимешься, никто и знать не будет. Картина скорее всего на экран не попадет.

– Милый, Гуров – сыщик и будет все знать прежде, чем ты дашь команду: «Снято!»

Мария с улыбкой рассказала Гурову о полученном предложении.

– Мы с голода не умираем, – он пожал плечами. – Ты настоящая актриса, предложат что-нибудь еще.

– Обязательно, – передразнивая Гурова, ответила Мария. – Но я согласилась. Необходимо сниматься, иначе потеряешь форму, да и подзабудут.

– Ты, взрослая и умная, будешь разгуливать перед миллионами мужиков голая?.. Валяй!

– Фи, какие выражения! Не голая, а обнаженная. Марк сказал, что сделает дубль в пеньюаре, значит, сделает, и не будь ханжой. Все! Не желаю на эту тему разговаривать!

Больше и не разговаривали, сегодня Мария улетала. Гуров ревновал и отнюдь не оттого, что ей предстояло сниматься обнаженной. Каждый раз, как она улетала на съемки, сыщик беспокоился. Мария взяла у Гурова чашку с кофе, заглянула в лицо, сказала:

– Когда ты сердишься и ревнуешь, у тебя темнеют глаза. Я раньше и не знала, что цвет глаз может так заметно меняться. – Она отпила кофе, вернула чашку. – Пока меня не будет, подумай, куда бы нам поехать на недельку отдохнуть.

Гуров не ответил. Мария ушла в ванную комнату, он продолжал бродить по квартире. Он жил здесь уже почти два года, но так и не привык к простору и современному интерьеру. Такую квартиру полковник милиции не мог ни получить, ни купить. Гурову квартиру преподнес финансист Юдин в обмен на однокомнатное убежище, которое Гурову выделили, когда его отец – генерал-лейтенант ушел на пенсию и сдал свои служебные апартаменты. Борис Петрович Юдин был миллионер, занимался коммерцией, и, когда два года назад Гуров, ошалев от бесконечных перестроек в милиции и безысходности, уволился, он стал работать у Юдина начальником службы безопасности. Вместе с Гуровым уволился и его ближайший друг полковник Станислав Крячко. Начали они на новом месте азартно, работали на совесть, провернули сложную операцию по пресечению транспортировки наркотиков через Москву на Запад, но вскоре затосковали. Да и отношения Гурова с Юдиным не заладились. Оба были лидерами, а два медведя в одной берлоге не живут. Расстались мирно, по-приятельски. В МВД возвращение полковника приняли с прохладцей, характеры и норовы старых оперативников были известны, но такими специалистами не бросаются, генералы сделали вид, мол, ничего и не было.

А квартира Гурову осталась, оборудована профессиональными дизайнерами, две комнаты, просторная кухня, практически столовая, и ванная комната, такие показывают по телевизору в бесконечных сериалах.

Гуров поставил чашку на откинутую крышку бара, взглянул на бутылку виски и отвернулся. Больше года назад Станислав сказал, что шеф излишне закладывает. Поначалу Гуров пропустил замечание друга мимо ушей, позже задумался, начал вспоминать, а когда он последний день не пил ни рюмки, не

вспомнил и бросил. Он был максималист, не принимал полумер, мысль, что он, Лев Гуров, попал в зависимость от спиртного, взбесила. Несколько месяцев он не прикасался к стакану, теперь выпивал по случаю, но дома выпивка всегда наличествовала. Сейчас он бездельничал, на службе ничего серьезного не было, мозги бездействовали, а Мария улетает, и сыщик ощущал определенное напряжение и раздражение, принять граммов несколько не мешало.

Он упал на ковер, отжимался, пока руки не начали подрагивать, самодовольно отметил, что сто отжиманий – не так уж и плохо, поднялся, упал в кресло, подвинул телефон, набрал номер Крячко. Трубку сняла хозяйка, услышав голос Гурова, сдержанно поздоровалась и сказала:

– Лев Иванович, побойтесь бога.

– Наташка, я говорил, что люблю тебя?

– Ну все, конец! – Женщина тяжело вздохнула.

– Наталья, я позвонил лишь узнать, какой пирог ты нынче испекла.

– С мясом, – упавшим голосом ответила Наташа. – Но он еще в духовке. Предупреждаю, Станислав уже выпил, ключи от машины я у него заберу.

– Женщина всегда права, дай-ка мне этого алкоголика, – Гуров закурил и улыбнулся, услышав, как всегда, веселый голос Станислава:

– Приветствую, шеф. Где? Когда?

– Здравствуй, алкаш, меньше смотри боевики. Если ты меня величаешь шефом, я должен называть тебя ковбоем? Ты почему выпиваешь без разрешения? Я, понимаешь, мучаюсь, смотрю на бутылку, словно царь на еврея, а ты уже причастился.

– Виноват, Лев Иванович, но заслуживаю снисхождения, потому как у дочурки сегодня день рождения.

– Это серьезно, – согласился Гуров. – Сколько шарахнуло?

– Шестнадцать, шеф!

– Ты абсолютно прав, Станислав. Как считаешь, я могу по этому поводу…

– Обязательно! – перебил Крячко. – Причем не менее ста граммов, иначе обидишь семью.

– Ты настоящий друг, у меня тоже повод имеется, но твоя поддержка зашкалила весы.

– Всегда рад! Наташка, вытри нос, я никуда не еду!

– Спасибо, Лев Иванович! – крикнула в трубку Наталья.

– Сейчас мы отправляемся в зоопарк, – сказал Крячко. – Дочь с нами не идет, считает, уже взрослая. Вечером мы с любимой будем дома, может, заглянешь?

– Не исключено, в восемнадцать Мария уезжает, ты знаешь, я не провожаю, за ней заедет режиссер, позже позвоню.

Из ванной вышла Мария, как всегда, подтянутая, с девичьей талией, на высоких каблуках, с легким макияжем, красивая, немного уже чужая. Она взглянула на Гурова строго, словно ожидая от него фривольного жеста или колкой шутки, подошла к бару, спросила:

– Тебе виски или водки?

– Едино.

Мария налила в стакан Гурову и себе капнула в рюмку.

– За тебя! – Она подняла рюмку. – Мне с тобой сильно повезло, Гуров.

– Я знаю, кому повезло. – Гуров взял стакан, поклонился. – Удачи тебе, вернешься, не забудь позвонить.

– Когда у тебя такие глаза, я понимаю, как я тебя люблю.

– А когда у меня другие глаза?

– Когда ты стоишь рядом, не видишь меня, я чувствую, ты далеко, тебе нет до меня никакого дела, я отношусь к тебе иначе.

– Представляю.

– Нет, даже не представляешь, – усмехнулась Мария.

Зазвонил телефон, Гуров хотел подойти, но Мария сказала:

– Это меня, – сняв трубку, ответила: – Слушаю. Здравствуйте, одну минуточку. – Повернулась к Гурову: – Тебя какой-то чучмек.

– Мария! – возмутился Гуров. – Человек может услышать.

– Мне безразлично. Они заполонили Москву, убивают, насилуют, взрывают автобусы!

– Гуров слушает, – прикрывая рукой трубку, сказал сыщик.

– Здравствуй, дорогой Лев Иванович, – ответил сочный баритон. – Скажи своей красавице, что Шалва Давидович Гочишвили не чучмек, а грузин, и передай низкий поклон.

– Здравствуй, Князь, извини нас, неразумных славян, – ответил Гуров. – Слушаю тебя внимательно и великолепно помню, как ты мне помог в последний раз и что с меня причитается.

– Зачем обижаешь, дорогой? Мужчины не считают, кто сколько раз помог, они живут дружбой, иначе не могут.

– Я рад, что ты позвонил, говори о деле, Князь.

– Мне очень нужно тебя увидеть.

– Хорошо, сегодня после шести я свободен.

– Сейчас только двенадцать, Лев Иванович, – заметил Князь.

– Ах так, – Гуров взглянул на Марию. – Хорошо, приезжай ко мне, только извини, кормить нечем.

– Зачем обижаешь? Я на диете, мацони привезу с собой. Третий этаж, квартира слева?

– Все верно, жду, – Гуров положил трубку.

– Я думала, мы пообедаем вместе, – Мария вздохнула, затем тряхнула роскошными кудрями, рассмеялась. – Как говорит Станислав, что выросло, то выросло.

– Так я говорю, Станислав передразнивает.

– Выясните между собой. – Мария пошла на кухню. – А кормить действительно нечем. Пельмени, бульонные кубики, сыр, остатки колбасы. Мы бы с тобой обошлись, грузину такой стол накрывать нельзя.

– Князь понравится тебе, мужчина сильный, умный, широкий. – Гуров хохотнул. – Правда, пузатый, но он такой крупный, что не замечаешь.

– Тогда отправляйся в магазин, купи мяса или кур, запечем в гриле. Деньги у тебя есть?

– Это вряд ли, – с сомнением ответил Гуров. – Шалва сказал, что он на диете, значит, половины барана ему хватит, но не будем суетиться. – Сыщик улыбнулся. – Я ему сообщил, мол, кормить нечем, Князь этого не любит, корочку хлеба принесет.

– А это удобно? Он действительно князь? Вообще, кто он такой?

– Каждый богатый грузин – князь. А Шалва Гочишвили получил свою кличку в зоне. В прошлом он подпольный миллионер, имел свой заводик… Потом он восемь лет сидел, вышел из зоны матерым уголовником, авторитетом. Говорят, он был хозяином Гагры, чуть ли не всего грузинского побережья. Его парни поссорились с москвичами, и Князь прилетел в столицу разбираться. Молодежь погорячилась, стреляли, организовалось несколько трупов, я тогда работал в МУРе, мы были оперативниками…

Гуров помолчал, пожал плечами, взглянул на Марию несколько удивленно.

– Когда человек начинает говорить, что его поколение лучше сегодняшнего, значит, на человека дохнула старость.

– Это на тебя дохнула старость? – Мария взглянула озорно. – Ну-ну, мысль интересная.

– Факт, я начал брюзжать, – ответил Гуров. – Жизнь меняется, я не успеваю. Уголовники изменились, я работаю по старинке. Никто не поверит, однако я в жизни без очереди кружку пива не выпил, рубля не взял, в кабинете ни разу не ударил, даже голоса не повысил, не пообещал впустую, не обманул, меня можно в музей сдавать как экспонат.

– А Станислав, Петр Николаевич? – спросила Мария.

– Так я и не говорю, что один остался, но наше племя вымирает, словно мамонты. Следует относиться к приходу нового спокойно, не хаять, на шарике нашем сколько форм жизни сменилось, Земля не стала хуже, она лишь изменилась.

– Князь, которого мы ждем, уголовник? Он людей убивал?

– А я не убивал? – Гуров горько усмехнулся. – Я хоть и повторяю, мол, мой выстрел второй, однако случалось и опережать, ведь жить-то хочется. Сегодня Шалва нормальный бизнесмен, его руки стерильны по сравнению с руками многих политиков и генералов, которые «зачищают» Чечню. Шалва от криминала давно отошел, хотя не удивлюсь, если его порой приглашают в качестве посредника при решении конфликтов в криминальном мире.

– Ужасно интересно! – воскликнула Мария. – Только правда ведь неловко получается, что мы на стол поставим, чем такого гостя кормить будем?

В дверь позвонили. Гуров неспешно, но быстро достал из стола «вальтер», подошел к двери, на ходу обронив:

– Выйди в кухню. – Посмотрел в «глазок», открыл засовы стальной двери, распахнул, громко сказал: – Здравствуй, Князь, заходи!

– Здравствуй, дорогой Лев Иванович. – Шалва закрыл собой дверной проем, шагнул через порог, протянул мощные руки.

Гуров коротко ответил на рукопожатие, глядя на молодого парня, который стоял за спиной гостя.

– Шофер, – пояснил Шалва, кивнув парню: – Гиви, занеси корзинки.

Шофер поклонился Гурову, внес две огромные корзины, покрытые белыми скатертями, и ведро с метровыми пурпурными розами. Гуров запер дверь и расслабился. Гость понял состояние хозяина, вздохнул, качнул тяжелой головой.

– Значит, так и живешь.

– Мария, встречай гостя! – крикнул Гуров, подхватил тяжелые корзинки.

Князь поднял ведро с розами, шагнул в гостиную, поклонился вышедшей навстречу Марии, опустил розы на пол к ее ногам, сказал:

– Здравствуйте, Мария, меня зовут Шалва. – Огромными черными глазами он внимательно смотрел на женщину, кивнул: – Все верно, у Льва Ивановича должна быть такая женщина.

Гуров хмыкнул, пронес корзины на кухню, на ходу обронил:

– Князь, сколько же здесь бутылок мацони?

– Здравствуйте, Князь, рада познакомиться, – Мария протянула руку.

– Мир твоему дому, женщина, – Шалва осторожно пожал руку Марии. – Умный человек сказал, что красота спасет мир. Умный сказал неправильно. Красота заставит мужчину спасти мир.

– Я в жизни много получала цветов, но ведро роз мне дарят впервые. Спасибо, Князь.

– Хотел остановиться, купить вазу. – Шалва подхватил ведро, понес на кухню. – Подумал, зачем казаться лучше, чем ты есть на самом деле?

– Куда все это девать? – разгружая корзины, бормотал Гуров.

– Лев Иванович, прошу, уйди от стола, я все сам приготовлю, Мария мне поможет накрыть, а ты вынь из кармана пистолет, подумай о жизни.

Все тарелки на столе не поместились, часть из них пришлось поставить на тумбу у плиты. Лобио, сациви, сыр, лаваш, гора зелени, бастурма, естественно, шампуры с шашлыком, бутылки с боржоми и коньяком.

– Качество московское, хотя я с людьми на базаре переговорил, однако чужое, не свое. За коньяк отвечаю, привезли из Тбилиси. – Шалва оглядел стол, подал стул Марии, кивнул Гурову: – Присядь, Лев Иванович, ты хозяин, но я тамада, потому прошу слушаться.

– Князь, нам и половины всего не съесть, может, упакуете для меня корзинку, а я бы ребят угостила. Я в шесть улетаю, работа у меня, – сказала Мария, провела ладонями по бедрам.

Князь согласно кивнул, открыл бутылку боржоми пальцами, распечатал коньяк, наполнил рюмки.

– Женщину украшает красота, мужчину – честь и друзья. У вас все есть, пусть всегда будет! Спасибо, что приняли, хотя сейчас я понял, что явился не вовремя. Счастья! – Князь опрокинул рюмку, словно наперсток, и начал закусывать.

Ел он руками, без ножа и вилки, но так аккуратно, неторопливо и аппетитно, что Мария, которая себя в еде ограничивала, невольно последовала его примеру. Шалва отер усы, улыбнулся Марии, наполнил рюмки.

– Женщина, скажи нам несколько слов.

– С удовольствием, – Мария подняла рюмку. – Мне в жизни чертовски повезло, подруги жалуются, мол, нет мужчин, выродились, испарились. А вот мне повезло, у меня стопроцентный мужчина, его недостатки способны закрыть от взора Эльбрус, но его сила способна передвинуть Эльбрус на другое место. Его друзья – мои друзья. Я счастливая женщина. Так выпьем за мужчин, которые меня окружают.

Шалва хлопнул широкими ладонями.

– Я сразу понял, Мария, что ты умна. Но сказать такой тост, одного ума недостаточно. – Он достал из кармана визитную карточку, положил перед Марией. – Понадобится помощь, позвони.

– Спасибо, Князь! – Мария подняла рюмку и выпила. – Мне достаточно, я пойду собирать чемодан, а вы вспомните детство, молодость вам вспоминать еще рано, вы молоды.

– Лев Иванович, твоя женщина стреляет навскидку, каждая пуля в сердце. – Шалва выпил.

– Согласен, удивляюсь, что еще жив. – Гуров лишь пригубил.

Мария вышла, Шалва налил в бокал боржоми, сказал:

– Я бы хотел, чтобы Мария слышала наш разговор, но ты мужчина, тебе решать.

– Говори, Князь, если сочту необходимым, то расскажу Марии. Но это вряд ли, в моей работе человек должен знать лишь то, что ему знать необходимо.

– Ну что ж, тебе решать. – Князь налил себе коньяку, выпил без тоста, отер усы. – Ты знаешь о взрыве автобуса, погибли несколько человек, из них двое детей?

– Телевидение и газеты пробили нам головы. Единственный теракт, когда удалось задержать преступника. Расследование провели в рекордные сроки, уже состоялся суд, вынесена высшая мера, русский народ ликует.

– А ты нет? – Князь взглянул испытующе.

– Почему нет? – Гуров говорил неторопливо. – Террористов необходимо задерживать, судить, и с приговором я в данном случае согласен. Хотя в принципе против высшей меры наказания.

– У тебя лицо человека, которого ничто не волнует.

– Меня сегодня настолько многое приводит в бешенство, что задержание и расстрел одного террориста не волнуют. Неизвестно, сколько чеченцев – и женщин, и мужчин, и детей погибло в этой войне?!

– Ты что же, оправдываешь такие ответные меры?

– Никогда! – Гуров хотел отставить свою рюмку, вместо этого выпил. – Преступник, тем более убийца, должен быть задержан и осужден. Ну хватит, Князь, говори по делу.

– Ты грубый человек, Лев Иванович.

– Прямолинейный, не веду разговоров, которые мне неприятны. Ты пришел по делу, говори. Ты трусишь, Князь, разбегаешься. А при твоей комплекции нельзя долго разбегаться, иначе можно не прыгнуть, а упасть.

Гуров болезненно относился к войне в Чечне. Он и раньше скептически относился к Президенту, а после его переизбрания, в котором участвовал и сам, когда война в Чечне вопреки обещаниям вспыхнула с новой силой, полковник ощущал злое бессилие. Теперь явился этот сытый, богатый грузин, ведет светскую беседу, ковыряет толстым пальцем в открытой ране.

– Ты не любишь меня, я могу уйти. – Князь даже отодвинулся от стола, усы у него обвисли, лицо приняло обиженное выражение.

– Ты не можешь уйти, Князь! – Гуров заговорил шепотом, голос оттягивало в хрип. – Раз ты пришел ко мне – тебе некуда деваться. По телефону ты сказал, что торопишься, не можешь подождать до вечера. Говори.

– Тимур не виноват. А его приговорили к расстрелу. – Шалва достал из кармана огромный носовой платок, вытер лицо.

– Тимур Яндиев? – Гуров пожал плечами. – Я незнаком с делом, но это даже неважно. В принципе я не исключаю судебную ошибку, потому и против высшей меры. В данном случае это тоже не имеет значения. Приговор вынес суд присяжных, палата Верховного суда кассационную жалобу отклонила. Материал в комиссии по помилованию, шансов ноль. Президент никогда не помилует чеченца-террориста по делу, о котором знает вся страна!

– Я понимаю, – Шалва кивнул. – Но мальчик не виноват.

Злость прошла, Гуров смахнул с лица пот, встал.

– Извини, я умоюсь, – сказал он и прошел в ванную.

За спиной цокнула каблуками Мария, взглянула на Гурова, молча достала из шкафчика валокордин, капнула в стакан, разбавила водой. Гуров выпил, умылся, вернулся на кухню, сел и спросил:

– Ты знаешь, кто взорвал автобус?

– Нет, но мальчик не виноват, – тоскливо повторил Шалва.

– Он твой сын? Исключено, он чеченец, а не грузин. Я веду пустой разговор, но откуда ты знаешь, что парень не виноват?

– Его дед – мой друг. Деда тоже зовут Тимур. Он разыскал меня и сказал, что мальчик не виноват.

В иной ситуации, услышав подобное, Гуров бы рассмеялся. Сейчас он прикусил губу, отвернулся и, лишь бы нарушить паузу, спросил:

– Почему ты не мог подождать с разговором до вечера? Дела о помиловании лежат в канцелярии годами.

– Сегодня в десять улетает в отпуск адвокат, я думал, тебе нужно будет с ним переговорить. – Князь ссутулился, смотрел безнадежно.

Гурову стало жалко большого, умного, некогда могущественного, по сути, наивного человека.

– С адвокатом я переговорю, хотя убежден, ничего интересного он мне не расскажет. Теоретически, если поверить в невиновность осужденного, его можно спасти единственным образом. Разыскать истинного убийцу, доказать его вину и передать в прокуратуру. – Гуров рассуждал, чтобы не молчать, хотя бы обозначить свою заинтересованность в столь безнадежном деле.

– Ну? – Князь поднял голову, глаза у него заблестели. – Собери друзей и действуй, мы не пожалеем любые деньги. Пытались дать судье миллион, так близко подойти не дали. Такой шум вокруг дела подняли, словно никого раньше не убивали и не взрывали.

– Ты говоришь лишнее, – Гуров укоризненно покачал головой. – Коли и раньше убивали, так все одно, вали до кучи? Впервые удалось задержать террориста, людей можно понять. Террорист-чеченец – двойная удача, расстрелять подонка, вроде вы убиваете наших, мы – ваших.

Гуров откинулся на спинку стула, закурил, затем медленно продолжал:

– Ты прожил сложную жизнь, Шалва, знаешь, человек не любит чувствовать себя виноватым. А тут подарок, попался чеченец, нечеловек, душегуб, который убивает детей. Значит, нечего совеститься, мы правы, чеченцев следует уничтожить. По приговору суда расстреляли не одного безвинного, вашего парня спасти нельзя.

– Поговори с адвокатом, прошу, Лев Иванович, – тихо произнес Шалва. – Я с человеком договорился, он нас ждет.

– Даже так? Ну хорошо! – Гуров налил в бокал боржоми, сделал глоток, задумался.

Он переговорит с адвокатом, но, что бы тот ни сообщил, сыщик делом заниматься не станет. Гуров был в этом убежден. Если существуют серьезные улики, обозначена фигура истинного террориста, все равно этим делом заниматься нельзя. Конечно, можно уйти в отпуск, как всегда, две недели с прошлого года остались, да сорок суток положено, уйма времени. Взять Станислава, двух толковых оперативников-пенсионеров, с которыми работали весной. Все можно, да ничего нельзя. Через день или месяц в родной, богом проклятой милиции узнают, что полковник Гуров разыскивает человека, совершившего теракт. А по делу имеется осужденный. Значит, Гуров «взял» и хочет этого осужденного отмазать. Не помоями обольют, дегтем тщательно замажут, почти четверть века службы, имя, авторитет спустят в канализацию. К бойне в Чечне отнюдь не все менты относятся так, как он, полковник Гуров. Многие считают: «черных» следует примерно наказать. Русскому народу негоже терпеть от всяких чеченов, отутюжить Грозный танками, чтобы всем «черномазым» неповадно было, хватит, поцацкались, нечего церемониться.

Гуров знал офицеров, которые рассуждают подобным образом. Когда они узнают, что чистоплюй Гуров, белый воротничок, любимчик и аристократ, продался этим… Он не был ни белым воротничком, ни любимчиком, скорее наоборот, руководство Гурова терпело, не более, но все это не имеет значения, как не имеет никакого значения, взорвал чеченец автобус или нет, «народ» знает все точно, значит, так тому и быть.

– Шалва, извини, – Гуров допил боржоми, хотел сказать, что к адвокату не поедет, увидел глаза гостя, в которых застыли боль и ожидание, поднялся. – Мне надо с Марией переговорить. – И вышел из кухни.

Он не успел произнести и слова, как Мария, пытавшаяся застегнуть чемодан, спокойно сказала:

– Поезжай, этому человеку необходимо помочь. За мной приедут, помогут, когда устроюсь – позвоню. А через три дня я уже буду дома.

– Спасибо, – Гуров поцеловал Марию в щеку, запер чемодан. – Скажи своим ребятам, пусть все заберут со стола, оставьте мне только бутылку коньяка и

боржом.

– Молчи, Гуров, я знаю, что взять, что оставить. – Мария озорно подмигнула, вышла в гостиную проводить мужчин.

Адвокат, интеллигентный мужчина лет шестидесяти, принял гостей более чем холодно, даже враждебно. Здороваясь, кивнул, руки не подал, жестом пригласил в полутемный, заставленный книжными полками кабинет. Пахло сыростью, бумагой и мышами. Хозяин указал на потертые кожаные кресла, сам сел за огромный, заваленный папками и бумагами стол, отодвинул в сторону пишущую машинку, снял очки без оправы, начал их протирать зеленой бархоткой.

– Бояринов Иван Максимович, к вашим услугам. – Он водрузил очки на место. – С вами не имею чести быть знаком. – Он кивнул коротко Гурову. – А господину Гочишвили я достаточно подробно разъяснил, что я выполнил свой долг и, к великому сожалению, спасти жизнь подзащитного был не в силах. И совершенно напрасно наш уважаемый гость с Кавказа считает, что в нашей профессии все решают деньги.

У адвоката был удивительно красивый бас, который контрастировал с внешностью. Хозяин был худощав, даже костляв, нос хрящеватым клювом, тонкие бесцветные губы; казалось, что этот человек просто обязан говорить резким, высоким и неприятным голосом. Бархатный глубокий бас вроде бы принадлежал другому человеку.

Гуров привстал, поклонился, учтиво произнес:

– Извините, не представился, Гуров Лев Иванович. – Он сел, закинул ногу на ногу. – Хочу прояснить ситуацию, я давнишний знакомый Шалвы Давидовича, всю жизнь проработал в уголовном розыске, денег у приятеля я не брал и не возьму. Я доверяю вам и суду, мой визит – дань уважения старому приятелю. Я обещал ему встретиться с вами, мы можем просто поговорить как цивилизованные люди.

– Прошу покорно, у вас наверняка есть вопросы. – Хозяин поправил шейный платок, повязанный на жилистой шее. – Я вас слушаю.

– Вы лично, Иван Максимович, верите в виновность осужденного?

– В данном случае это не принципиально.

– Для вас, уважаемый Иван Максимович, но не для меня, убедительно прошу ответить.

– Хорошо. Я не знаю. – Адвокат хрустнул костлявыми пальцами и зло добавил: – Скорее нет, чем да. Прошу обратить внимание, что это сугубо интуитивное мнение, не подтвержденное конкретными фактами. Последние свидетельствуют, что парень совершил данное преступление.

– У опытного человека, а вы, Иван Максимович, человек безусловно опытный, интуиция основана на анализе определенных событий. Я могу узнать, на чем основана ваша интуиция? На поведении и показаниях Тимура Яндиева?

– За все время следствия Тимур произносил лишь два слова: «да» и «нет», вину признал.

Шалва сидел в тесном для его габаритов кресле, молчал, потел, отирался своим огромным клетчатым платком.

– Уважаемый Иван Максимович, на чем же основана ваша интуиция? – Гурову нравился хозяин, сыщик не собирался браться за это дело, но привык все доводить до конца.

– Вам не понять. Впрочем, вы же розыскник, то есть сыщик, могу ответить. Вы любите, когда по делу слишком много свидетелей? И каждый уверенно дает показания, не путается, не волнуется. Один человек видел, как Тимур вошел в автобус, и отметил, что в руке у парня рюкзак. Тимур сел на заднее сиденье, положил рюкзак на пол, и сосед запомнил парня и обычный рюкзак. Якобы рюкзаком придавило человеку ногу. Свидетель вышел из автобуса, на его место сел другой человек, который тоже запомнил Тимура и лежавший на полу рюкзак. Непонятно, зачем данный свидетель садился, если на следующей остановке он вышел. На следующей остановке вышел Тимур, и стоявший у двери человек хорошо парня запомнил и категорически утверждает, что «черный» выскочил с пустыми руками. Есть еще кое-какие мелочи, полагаю, сказал достаточно. Нет,

еще одно. Тимур играл с ребенком, который сидел впереди. Малыша разорвало в клочья, мать, сидевшая чуть впереди на соседнем сиденье через проход, видела игры, она осталась жива и прекрасно запомнила Тимура. В суде она заявила, что, глядя на играющего с сынишкой чучмека, еще подумала, мол, зря мы так плохо к ним относимся. Показания матери произвели на присяжных сильное впечатление.

– Вы считаете, что дело фальсифицировано? – спросил Гуров.

– У меня нет оснований для такого утверждения, – сухо ответил адвокат. – Да и Тимур подтверждает, что рюкзак в автобус принес он, просто забыл его, так как чуть не проехал нужную остановку и выскочил на ходу.

– Великолепные свидетели выходили на различных остановках задолго до взрыва, как же оперативникам удалось их разыскать? – поинтересовался Гуров.

– Вы меня спрашиваете? – Хозяин устало вздохнул.

– Иван Максимович, почему Тимур отказывался давать показания?

– Не знаю! Я ничего не знаю! Несколько суток не спал, на грани нервного срыва, оставьте меня в покое!

– Шалва, у тебя есть фляжка? – спросил Гуров.

Князь тяжело заворочался в кресле, вынул из кармана фляжку коньяка.

Гуров отвинтил крышку, обошел стол, вложил фляжку в руку хозяина.

– Иван Максимович, сделайте глоток, лучше два.

Адвокат послушно дважды глотнул, взмахнул ладонью.

– А закусить?

– Пустое, глотните еще разочек, – сказал Гуров, сходил в гостиную, принес конфету.

– Спасибо, – хозяин положил конфету в рот, потер ладонями лицо. – Где вы разыскали конфету?

– Я же сыщик, мэтр, – улыбнулся Гуров.

Лицо хозяина порозовело, он оживился.

– Приятно иметь дело с понимающим человеком. А ваш старинный друг, Лев Иванович, обыкновенный хам. – Адвокат говорил так, словно Шалвы в кабинете не было. – Так ему и передайте! Мой отец, дед, прадед были адвокатами. Мой предок работал с самим Плевако! А ваш, извините за выражение, старинный друг сует мне портфель с деньгами, просит передать судье.

– Безобразие! Я ему скажу. Обязательно. Но вы, дорогой Иван Максимович, на него не обижайтесь. Шалва – добрый человек, просто у него было тяжелое детство.

– Хорошо, – хозяин еще раз пригубил, вернул фляжку Гурову. – Благодарю, врачи мне категорически запретили. Да, своему другу передайте, я на него больше не сержусь.

– Непременно, Иван Максимович. – Гуров занял свое кресло. – Вы, я слышал, уезжаете, не сочтите за нескромность, надолго?

– Да никуда я не уезжаю, – буркнул адвокат, – сказал, чтобы оставили в покое. Лев Иванович, дорогой вы мой, куда сегодня может поехать человек, если он «не берет»? Надо отбирать клиентов, отказываться от нищих и беззащитных. Меня в коллегии давно изучили: как нищий, так Бояринову.

Гуров сразу отметил, что обстановка в квартире приобретена чуть ли не в начале века, а худоба хозяина противоестественна.

– Понятно, понятно, – пробормотал Гуров, а про себя добавил: «Осколок империи». – Но за последнее дело вам должны были дать хороший гонорар, в

семье осужденного люди небедные. Да, вы проиграли, однако старались, работали.

– Как вам не стыдно, Лев Иванович? Моего клиента приговорили к высшей мере! Как же я могу взять деньги? Позор!

Гуров взглянул на Шалву, грузин тяжело заворочался в кресле, собрался что-то сказать, лишь огладил усы и отвернулся. Адвокат перехватил взгляд Гурова, быстро сказал:

– Они конверт совали, но я за пустые хлопоты денег не беру, и хватит об этом. А вы, уважаемый, собираетесь заняться данным делом? Не рекомендую. Все свидетели неоднократно допрошены и в милиции, и в прокуратуре, дали показания в суде…

– Понимаю, Иван Максимович, – Гуров согласно кивнул. – Раз вы никуда не уезжаете, разрешите вам позвонить?

– Буду рад, у меня сейчас дело несложное, а суд неизвестно когда. Были времена – стояли в очереди за хлебом насущным, теперь ждем очереди в суде. Нет судей, дефицит. Лев Иванович, скажите, почему после семнадцатого года в России постоянно чего-то не хватает?

– Мы с вами обсудим данный вопрос, Иван Максимович. – Гуров поднялся. – Разрешите поблагодарить вас и откланяться.

– Всего вам наилучшего и звоните. – Адвокат открыл входную дверь, пожал Гурову руку, повернулся к громоздившемуся на лестничной площадке Шалве: – До свидания, – и сунул ему тонкую руку. – Извините, если лишнего сказал.

– Спасибо, Иван Максимович. – Шалва поднял глаза, запоминая номер квартиры. – Здоровья вам.

Выйдя на улицу, Шалва еще раз оглянулся на дом.

– Князь, ты глупостей-то не делай, – сказал Гуров.

– У человека в доме есть нечего, ты что, не понял?

– Он у тебя ничего не возьмет.

– Лев Иванович, ты меня совсем замучил. – Шалва глубоко вздохнул, расправил плечи. – Ты замок в двери видел? Ребята принесут, положат и уйдут.

– У него холодильник крошечный, ты особо не размахивайся. – Гуров взглянул на часы, он еще успевал застать дома Марию, но ехать не хотелось, он не любил провожать. Приедут чужие, незнакомые люди, придется им улыбаться, слова какие-то говорить.

– Значит, и нормальный холодильник принесем, не учи меня жить, Лев Иванович. – Князь долго молчал и сдерживался, сейчас его прорвало: – Хреновая жизнь, у тебя дома есть нечего, известный адвокат голодает!

– Обо мне не беспокойся, у меня через два дня зарплата. – Гуров оглянулся. – Где автомат разыскать, позвонить требуется.

– Из машины позвонишь. – Князь открыл дверцу сверкающего «Мерседеса», придержал Гурова, сердито спросил: – До зарплаты в долг не возьмешь?

– Отстань, Князь, у каждого свои привычки. – Гуров отстранил грузина, сел в машину, взял лежавшую между передними сиденьями трубку, набрал номер Крячко, хотя полагал, что друга еще нет дома.

– Слушаю вас внимательно, – ответил Станислав.

– Хорошо, все мои прибауточки своровал, – сказал Гуров. – Почему ты дома, слон заболел?

– Слон здоров, а меня лень обуяла, лежу в кресле, смотрю в ящик.

– Пирог с мясом еще цел?

– Даже не пробовали, тебя ждем.

– Врешь, – убежденно сказал Гуров. – Ты бы уже сожрал, да Наташка не разрешает. Ладно, выручу тебя, сейчас приеду. – Он назвал водителю адрес и добавил: – Остановитесь, пожалуйста, около торговок цветами.

– Цветы ты мне разрешишь купить? – спросил Шалва.

– Разрешу, три гладиолуса.

– Лев Иванович, думаешь, я не знаю, что дарить ведро с розами неприлично? – Шалва развернулся на переднем сиденье, взглянул на Гурова. – Человек должен жить по своим законам. Мне много чего не нравится на Западе. Они дарят женщине одну розу, в ресторане каждый платит за себя, такое мне не по душе.

– Мне тоже, но не будем поучать друг друга. – Гуров устал от присутствия грузина, хотел побыстрее с ним расстаться, главное, злился на него за непосильный груз, который Шалва пытался взвалить на его плечи. Он не знал ответа на вопрос, который вот-вот последует, и сердился еще больше. Если он возьмется за работу, будет безответственный глупец, откажется – поступит как трус.

Шалва, навалившись на сиденье, смотрел на Гурова, теребил ус.

– У парня большая семья и где живут его родные? – спросил Гуров.

– Я знаю деда, отца, мать, двух сестер, они живут в Грозном, – ответил Шалва и добавил: – Если там можно сегодня жить.

– А где на Кавказе сегодня можно спокойно жить? Ты святого из себя не строй! Русские во всем виноваты? А грузины, абхазцы, азербайджанцы, те же чеченцы – все в белом? Посчитаем, сколько чьей крови на Кавказе пролито?

– Я не хочу тебя обижать, Лев Иванович. – Шалва вздохнул, выпрямился, спинка сиденья чуть было не сломалась.

– Ты меня не обидишь, я свою вину знаю. Ты меня на войну с моим народом толкаешь? Я русский, наши грехи и недостатки знаю, но у меня другой родины нет! Поэтому я и не хочу браться за эту работу.

«Мерседес» остановился у палаток, Шалва тяжело выбрался из машины, тут же вернулся с тремя белоснежными гладиолусами.

– Спасибо, желаю, чтобы ты не спал суток трое, – сказал Гуров. – Я тебе позвоню, больше ни слова, чертов грузин!

– Извини, Лев Иванович, – Шалва больше не поворачивался, когда Гуров выходил из машины, молча хлопнул по его ладони.

Станислав с супругой были одеты празднично, новорожденная родителей бросила, сказала, что вернется поздно. Пирог с мясом в исполнении хозяйки, как всегда, получился отменным. Бутылку «Столичной» достали из морозилки, но Гуров ограничился одной стопкой, молчал, лишь изредка выдавливая из себя скупые фразы. Наташа убрала грязную посуду, подала кофе, Гурову подвинула пепельницу и ушла на кухню.

Выслушав друга и начальника, Станислав провел ладонью по лицу, сказал:

– Дерьмо, Лев Иванович, скажи, где ты находишь такие кучи дерьма? Только из одной кучи вылезли, запах не выветрился, ты уже новую приволок.

– А тебя никто не неволит. Я к другу посоветоваться пришел. Считаешь, что дерьмо, отказываемся…

– Погоди! – Станислав выставил ладони, словно отпихивал Гурова. Крячко не смотрел, как обычно, простовато-дурашливо, глаза его были злыми. – Такой вопрос сам решай, ты – начальник, я – дурак. Дружба дружбой, да меру знай. Я твой друг, потому и терплю тебя столько лет. Мне такую ношу не поднять. Вот как ты решишь, так и будет, я разобьюсь, любое твое задание попытаюсь выполнить. А советчик из меня никудышный, извини.

– Трус ты, Станислав!

– Точно и давно известно, которые кидаются на амбразуры, живут в соседней квартире, – для убедительности Станислав ткнул пальцем в стенку.

– Хорош друг, называется, – бормотал Гуров, прекрасно понимая, что Станислав прав. – Завтра поутру пойду к Петру, он генерал.

– Потому не дурак, и никакого совета ты от него не получишь, – уверенно заявил Станислав. – «Я ради восстановления справедливости ничего не пожалею! Жизнь отдам!» Такие слова в Думе хорошо кричать. Прогавкал и смотался, век говоруна не найдешь. Справедливость, она что, на прилавке магазина лежит и ценничек прилеплен? Справедливость неизвестно где находится, пока ее отыщешь, тебя десять раз через мясорубку провернут. А давно известно, фарш обратно запихнуть невозможно.

– Давай откажемся, – неизвестно зачем сказал Гуров.

– Это ты, Лев Иванович, откажешься? Ну прости подлеца! – Станислав наполнил стопки. – Известно, что не помогает, однако выпьем.

Генерал Орлов сидел в кресле, как обычно, опустив тяжелую голову на грудь, прикрыв глаза. Когда Гуров замолчал, Орлов нажал кнопку, сказал:

– Верочка, меня нет, вернусь минут через тридцать. – Взглянул на Гурова: – Лева, зачем тебе это надо? Где ты такое находишь?

– Станислав то же самое сказал более смачно. Совет ты дать не можешь, – утвердительно сказал Гуров.

– Совет в такой ситуации никто дать не может. Но и бросить тебя, Лева, я не брошу, давай разбираться.

Орлов выпрямился, открыл глаза, сонное добродушие с лица исчезло, он облокотился на стол, взглянул на Гурова твердо.

– Первое, господин полковник, ты ни в чем не виноват. Бывший авторитет обратился к тебе, не ко мне, не к Станиславу, потому что считает: лучший сыщик – Лев Иванович Гуров. Суждение субъективное, но такова человеческая сущность. Итак, ты получил информацию. Вопрос, как ее использовать? Самое простое – сделать вид, что никакой информации не поступало. Но если старый

чеченец прав и его внук не виноват, то истинный террорист остается не только безнаказанным, он не остановится, прозвучат еще взрывы, погибнут люди.

– А невиновного мальчишку расстреляют, – сказал Гуров. – А я буду это знать и жить дальше…

– Выживешь, – перебил генерал. – Ежедневно убивают десятки невинных людей, страшно, что мы к этому привыкли. Но еще более страшно, что парня убьют от имени закона. Допустим, ты влезаешь в дело, начинаешь копать, встречаться со свидетелями, и на тебя мгновенно присылают телегу.

– И меня мажут дерьмом с ног до головы.

– Лева, замолчи! Что ты все о себе да о себе!

– Я люблю Льва Гурова!

– Нормально! Каждый себя любит. Но дело не в том, что тебя измажут, плохо то, что тебе не дадут работать. Черт побери! – Орлов начал массировать затылок. – Возраст достает, дай мне минералки, – он ткнул пальцем на стоявшие на столе для совещаний бутылки с минеральной водой.

Выпив воды, Орлов вновь навалился на стол.

– Нужна легенда прикрытия. – Он несколько раз глубоко вздохнул и продолжал: – Отправляйся к себе, пиши на мое имя рапорт, мол, состоялась встреча с заслуживающим доверия источником, который сообщил, что взрыв в автобусе был организован группой боевиков, мальчишку использовали втемную.

– Убежден, так оно и было, – сказал Гуров.

– Жизнь покажет, важно, что мы не говорим о невиновности осужденного, лишь предполагаем, что он действовал не один. Из чего следует: розыскные мероприятия следует продолжать.

– Петр, тогда я должен заводить розыскное дело, которое мгновенно берут под контроль, каждый день меня будут выдергивать на ковер, и я не работать буду,

а отписываться за каждый сделанный шаг. – Гуров развел руками, достал сигареты, но, взглянув на генерала, убрал пачку в карман.

– Опер-важняк! – Орлов самодовольно улыбнулся. – Ты стоящий сыщик, но все еще Лева из Могилева. Я беру твой рапорт, отправляюсь к заместителю министра Бардину, где выражаю свои сомнения в правдивости полученной информации. После чего пишу на рапорте резолюцию: «Прошу проверить и получить подтверждение». Характер полковника известен, Гуров подает рапорт о предоставлении ему очередного отпуска. Полковник Крячко тоже уходит в отпуск. Когда на тебя начинают катить телегу, я заявляю, что мы в курсе, но против. Обычный российский бардак. Президент издает Указ о прекращении военных действий, а генералы посылают бомбардировщики. Так кто может разобраться в ментовских разборках?

– Верочка сообщает лучшей подруге, что мы с тобой поссорились, – добавил Гуров.

– Неплохо, но это детали, главное, тебе никто не может помешать доказывать свою правоту. Ты не защищаешь чеченца, ты ищешь его сообщников, трудишься, не жалея живота и собственного отпуска.

Гуров встал и пожал Орлову руку.

– Все меня спрашивают, почему я не генерал? – Гуров в первый раз за время разговора улыбнулся. – Вот поэтому я и не генерал, а Орлов – генерал.

Глава 2

Григорий Давидович Котов и Валентин Николаевич Нестеренко, обоим под пятьдесят, имели схожие судьбы. Четверть века работали в розыске, обоих уволили из милиции за нежелание угождать начальству, оба постоянно имели по каждому вопросу собственное мнение, не «брали» и не «давали», не пили с нужными людьми и вообще, несмотря на долгие годы службы, в ментовской среде не стали людьми «своими». Что русский полковник Нестеренко, что еврей подполковник Котов были людьми плохо управляемыми, неудобными и не всегда

предсказуемыми. Когда у обоих выслуга лет и возраст оперативников развязали руки услужливым кадровикам, Котова и Нестеренко тихо спровадили на пенсию, словно от опытных сыщиков в милиции, как на базаре в воскресный день, не протолкнуться.

Станислав Крячко знал «ребят» давно и весной, когда Гурову понадобились свободные от службы оперативники, собрал пять человек, но Лев Иванович после работы оставил лишь Котова и Нестеренко, остальные по различным причинам полковника не устраивали. Сейчас, когда Гуров попросил Станислава пригласить ребят на собеседование, оба откликнулись незамедлительно. Схожие возрастом и судьбами, они очень разнились внешне, да и характерами.

Голубоглазый, русоголовый, с обозначившимися залысинами Валентин Нестеренко держался подчеркнуто прямо, походил на военного отставника, при решении вопроса был нетороплив, но, решившись, действовал быстро, края не знал. Еврей Гриша Котов, хотя и был евреем только наполовину, но внешностью всякие сомнения в своей национальности он исключал. Черный, сутулый, лохматый, носатый – казалось, Котова можно лишь толкнуть и зашибить. Сколько уголовников поймались на этот крючок, Гриша не помнил. Он не занимался спортом, был жилист и силен от природы, ну и, естественно, пару приемов в уличной драке мог применить. В работе Котов походил на удава, мог сутками лежать в засаде, ждать, терпеть, но если хватал, то намертво.

Гуров встретил оперативников доброжелательно, однако без панибратства, внимательно оглядел, словно за несколько месяцев они могли измениться, спросил:

– Будем работать?

Котов лишь кивнул, считая вопрос риторическим и не заслуживающим ответа, и уселся в кабинете за ничейный стол, который стоял слева от двери.

– У меня деньги с прошлого раза остались, – сказал Нестеренко, смотрел безразлично и одновременно с хитрецой. – Надо мной крыша не течет. Однако со Станиславом и с вами, Лев Иванович, я завсегда пойду.

– И далеко вы, господа, со мной пойдете? – спросил Гуров, решая, в каком объеме необходимо сообщить информацию.

– Как и положено, на полшага позади командира, – ответил Нестеренко. – Ты, Лев Иванович, не пугай, говори что положено, ставь задачу.

– Желательно иметь дело с разбойниками, а не с коррумпированной спецслужбой, – вставил Котов, вытаскивая из кармана носовой платок: Григория круглый год мучил насморк.

– Гриша, ты не в магазине, где большой выбор, – заметил долго молчавший Крячко. – Сам знаешь, как карта ляжет.

– История со взрывом автобуса в Марьиной Роще вам известна. Пять трупов, из них двое детей, преступник задержан, осужден, содержится в камере смертников, адвокат подал прошение о помиловании, – сказал Гуров.

– Известно, пустые хлопоты, шлепнут чечена, – сказал Нестеренко. – Мне говорили, дело простое и ясное, как таблица умножения.

– Валентин, я тебе говорил, антисемитизм и национализм унижают достоинство человека, – заметил Котов. – Однако, Лев Иванович, вставать сегодня на защиту чеченца не ко времени, люди не поймут.

– Защищать евреев уже два тысячелетия не ко времени, – усмехнулся Гуров. – Вас в печку никто лезть не заставляет. Я получил достоверную информацию, что теракт организован группой, а задержан и осужден лишь один. Остальные, по-вашему, на лугу пасутся, цветочки нюхают?

– Выходит, МУР и ФСБ эти цветочки сорвали, а корешки оставили? – удивился Нестеренко. – А что генерал-лейтенант Орлов? Лев Иванович, вы Петру доложили, а он спать отправился?

– Ты, Валентин, полковник? И я полковник, у нас одна компания. У генерал-лейтенанта своя компания. Замминистра Бардин мою инициативу не поддержал, мой рапорт похерили, мы со Станиславом взяли отпуска, хотим доказать, что звезды на погонах и звезды в голове суть вещи разные.

– Извини, Лев Иванович, ты хочешь бодаться с дубом, начальники не просто генералы, они представляют систему. Но вы человек разумный, живете по своим

законам, однако отпускные получить не забыли. А мы с Григорием за что будем горбатиться?

Котов был умнее приятеля и тоньше, не верил Гурову, догадывался – изложили легенду, и помалкивал.

– Ты, Валентин, оборзел, за дурака меня держишь, – сказал Гуров неприязненно. – Есть люди, которые заинтересованы в нашей работе. Три тысячи ежемесячно, расходы, в случае успеха – премиальные.

– Годится! – Нестеренко кивнул.

– А мне – нет! – заявил Котов. – Я на старости лет наконец женился, супруга потомства ждет, мне страховка необходима. Сто тысяч в случае смерти и пятьдесят при увечье.

– Еврей, он всегда умный, – сказал Нестеренко.

– Оформлять бумаги или на слово поверите? – поинтересовался Гуров.

– В таких вопросах шутки неуместны, – сухо ответил Котов. – Вы, Лев Иванович, извините, тоже смертны. Обговорите вопрос где следует, поверим на слово.

– С деньгами решили. – Гуров открыл лежавшую перед ним папку. – Григорий, ты прав, но настроение твое мне не нравится.

– Мне тоже, – ответил Котов. – Только это не мое настроение, а российская действительность. В мае мы шли к выборам, видели свет в конце тоннеля. Сегодня мы из тоннеля вышли, оказались у негра в жопе. Я свою жизнь особо не ценю, а жена и ребенок должны на хлеб иметь.

– Суров мужик, – Нестеренко состроил гримасу и, пытаясь разрядить обстановку, рассмеялся.

Гурову действительно не нравилось настроение Котова, возможно потому, что походило на внутреннее состояние самого Гурова. Он хотел было оперативнику выговорить, предложить отказаться, взглянул на Станислава, который

отрицательно покачал головой, сдержался и сказал:

– Работа обычная, установочная да розыскная. Хотя все мы отлично знаем: в нашей профессии никто не ведает, что ждет за углом дома. Мы имеем определенное преимущество. – Гуров начал загибать пальцы: – Деньги и свободу маневра, нас никто не подгоняет, станет жарко, можем отступить.

– Мы не знаем, почему власти прекратили работу, ограничились одним парнем, – не унимался Котов. – И мне очень не нравится, что Петр Николаевич оставил ваш рапорт без внимания, пошел к замминистра. Данный вопрос в ведении начальника главка, ему нет необходимости…

– Ты, носатый упрямый еврей! – перебил Нестеренко. – Тебе предлагают твою работу, и перестань трепаться.

– Отчего же, мне ваше мнение крайне интересно, – впервые совершенно искренне сказал Гуров. – Если опытный оперативник рассматривает вопрос под таким углом, то на него аналогично могут реагировать ребята в МУРе и ФСК, когда они узнают, что мы интересуемся их свидетелями. А без последних нам никак не обойтись.

– Не согласен, – вмешался Крячко. – Григорий знает лично полковника Гурова и генерала Орлова, знает об их дружбе, потому и делает выводы. На Петровке нас давно забыли, в ФСК знают лишь по званиям да фамилиям. Никто не станет раздумывать, примут как обычную милицейскую склоку. Ну, не поладил важняк с генералом, случается.

Как и обычно бывало, Станислав погасил страсти. Гуров усмехнулся, подмигнул Котову, сказал:

– А ты, Григорий, много будешь знать, хуже станешь спать.

– Лев Иванович, клянусь, никогда не желаю знать лишнее. Я от того-то, чем располагаю, изрядно устаю.

– Вот и прекрасно. Разделите с Валентином свидетелей поровну, сделайте на них установки, познакомьтесь, лишних вопросов не задавайте, ни в коем случае

не ловите на противоречии. В принципе займите такую позицию, мол, начальство считает, что террорист был не один, а вам лично все это надо как прошлогодний снег, и работаете вы из-под палки, через силу. С кем можно выпить, угощайте, но ни о чем не спрашивайте. Вот, мол, встретился с хорошим человеком, приятно… А был там кто еще, да гори оно голубым огнем. Если человек считает, чеченцев надо стрелять, – стреляйте, считает, надо с ними замириться, – замиритесь.

– Не обижайте, Лев Иванович, все поняли, – сказал Нестеренко, обернулся к Котову, тот согласно кивнул.

– Отлично. Завтра получите деньги, две машины, одного водителя – на всякий случай. – Гуров взглянул на Станислава. – Договорись со Светловым, думаю, Василий Иванович не откажется.

– Чапаев? Да его хлебом не корми, дай вернуться в седло, – ответил Крячко.

– Всего наилучшего, – Гуров распрощался с оперативниками, проводил до двери. – У тебя, Станислав, задача посложнее. Нужно раздобыть этих свидетелей. Можно, конечно, через прокуратуру, поклониться в ножки старому хрычу Игорю Федоровичу.

– Непростой мужик, вроде и друг старинный, и мужик порядочный, но может упереться. Скажет, мол, человек осужден, кассация отклонена, и все.

– Может, – согласился Гуров. – Поэтому попробуй ты в МУР сунуться. Там хоть кто-нибудь из наших остался?

– Брызги! Кого-нибудь отыщу. Броня у меня – из пушки не пробьешь. Гуров – человек, сами понимаете, не подарок! – Станислав взглянул на Гурова ласково. – На такую наживку можно десяток карасей наловить. Гуров бодается с генералом Орловым, они двадцать лет бодаются. Баре дерутся – у холопов чубы трещат. Холоп, естественно, Станислав Крячко, бесхитростный парень, рабочая лошадка.

– Как бы ты жил, если бы меня не было? – спросил Гуров.

– Спокойно, – быстро ответил Станислав и тут же добавил: – Только очень скучно.

– Ну-ну, – Гуров похлопал друга по плечу, – действуй, только учти, в МУРе не одни дураки остались, потому ты много не говори, больше вздыхай, жалуйся. Обмолвись, что гоняют из-за ерунды, словно мальчишку.

– Сделаем, Лев Иванович, к вечеру списочек свидетелей будем иметь.

– Дай бог, – Гуров сел за стол, снял трубку, позвонил Гочишвили.

– Слушаю, – после второго гудка ответил Князь.

– Добрый день, Шалва, надо встретиться. Только с сегодняшнего дня мы друг к другу в гости не ходим. Жди меня в своем «Мерседесе» не у моего дома, а чуть ниже, у дома десять. Шофера отпусти, он меня больше видеть не должен. Через час можешь?

– О чем говоришь? Я не выхожу из дома, жду твоего звонка.

– Договорились. – Гуров подал Станиславу руку: – Нырнем, там увидим, глубоко или нет.

Гуров устроился в «Мерседесе» на заднем сиденье, Шалва занимал место рядом с водителем, который отсутствовал.

– Здравствуй, Князь, – Гуров полулежал, закурил.

– Приветствую, Лев Иванович, – уважительно ответил грузин, повернулся, спинка сиденья угрожающе прогнулась.

– Ты мудрый, понимаешь, раз я с тобой встретился, значит, за дело берусь, – неторопливо говорил Гуров. – Хотя один бог знает, как мне не хочется. Если твой парень действительно не виноват, от данного дела омерзительно пахнет, даже воняет. Потребуются значительные расходы, я пристегиваю трех человек, которых следует застраховать, у них семьи, я в страховке не нуждаюсь.

– Лишнее говорите, Лев Иванович, – Шалва разволновался, перешел на «вы». – Миллион я могу заплатить сейчас.

– Таких денег я у тебя не возьму. – Гуров протянул Шалве конверт. – Здесь данные моих людей, если кто погибнет, выплатишь семьям по сто тысяч. Гарантия – твое слово.

Шалва взял конверт, перекрестился.

– Все записи, что я тебе дал, заучи, конверт уничтожь.

– Ты словно уходишь на фронт, – пробормотал Шалва. – Сделаю сегодня.

– Не сегодня, а сейчас, я буду лежать и ждать, пока ты все не запомнишь.

– Ты мне не веришь?

– Если бы я тебе не верил, не был бы здесь. Ты человек, можешь ошибиться. Учти, мы не наемники, но и не Общество Красного Креста. Я беру у тебя деньги, так как предстоят расходы: зарплата, транспорт, всего не предвидишь. У нас имеется свой интерес в твоем деле, иначе я бы не ввязывался.

– Я понимаю, Лев Иванович, люди не забудут…

– Не перебивай, – Гуров говорил сухо, односложно, был недоволен собой и ситуацией в целом. – Ты ничего не понимаешь, а люди забудут. Ринат по кличке Сека жив, ты его видишь?

– Был живой, найду.

– Мелик Юсуф, Рафиз Рза? – спросил Гуров.

– Оба в Москве, могу позвонить.

– Собери всех троих, надо переговорить. Найди маленькое частное кафе, можно то, что было в последний раз, когда вы меня подставили Челюсти. Пока я не

начал работать, на меня не обращают внимания, но вскоре обратят, всякое общение придется прервать. Я сам на тебя выйду, организую канал связи. Если явится человек и передаст от меня поклон, значит, это мой человек.

Шалва смотрел на чеканный профиль Гурова, на его сильное, вольготно раскинувшееся на заднем сиденье тело и думал, что же за человек этот мент? Почему он не такой, как остальные, что ему до жизни одного чеченского парня? Он, Шалва, Князь, авторитет, знает милиционера больше двадцати лет, но практически ничего о нем не знает.

– Я тебе дам сейчас тысяч триста, трать как считаешь нужным, – сказал Шалва, поднимая с пола кейс.

– Что это за деньги, Князь?

– Мои деньги, я с них налоги плачу. – Шалва щелкнул замком.

– Пятьдесят, убьют, деньги пропадут, я рисковать не могу. – Слово «убьют» в устах Гурова не имело вкуса, звучало незначаще, обиходно. – Лучше, если людей ты соберешь сегодня вечером, после шести я буду дома.

Гуров рассовал пачки долларов по карманам, хлопнул Шалву по плечу, легко выпрыгнул из машины.

Крячко с Гуровым подъехали к кафе ровно в восемь. Станислав припарковал «Мерседес», оглядел сумрачный переулок, недовольно пробормотал:

– Умыкнут к чертовой матери.

Гуров тоже с сомнением осмотрелся, из стоявшего рядом «Вольво» вышел невзрачный мужичонка, отхлебнул из банки пива, уверенно произнес:

– Можете не беспокоиться, господа, приятного вам аппетита.

– Спасибо. – Гуров направился к зеркальным дверям, на которых в отличие от прошлого раза не висела табличка «Закрыто». Гуров вошел, узнал ловкого

мужчину, который исполнял роль швейцара, гардеробщика, при необходимости и вышибалы.

– Добрый вечер, господа желают поужинать? – Мужчина узнал Гурова, но вида не подал, принял плащи, распахнул портьеру.

Шалва с приятелями занимали стол в углу, у прохода на кухню. В кафе сидели две парочки, и за отдельным столом два парня лениво жевали, их лица и уши свидетельствовали о спортивном прошлом, безучастные трезвые лица красноречиво заявляли о настоящем.

– Я пойду потолкую, а ты выпей кофе, подумай о бренности всего земного, – сказал Гуров, направляясь к столику Князя, который уже поднялся навстречу.

– Здравствуйте, здравствуйте, – Гуров пожал руки двум азербайджанцам и чеченцу, – рад видеть вас здоровыми, надеюсь, ваши семьи в порядке.

Бандитская элита задвигала стульями, отвечала на рукопожатия, заговорила негромко, разноголосо.

– Вижу, переоделись, рубашечки фирменные, галстучки. – Гуров поднял приготовленную для него рюмку коньяку, кивнул, пригубил, поставил рюмку на место. – У вас, господа, вполне цивилизованный вид, словно родились на Арбате, только масть да носы выдают. Значит, Баку хорошо, Грозный хорошо, а жить в Москве лучше.

– Обижаете, Лев Иванович, мы давно москвичи, вашу власть уважаем, – ответил азербайджанец Мелик Юсуф-оглы.

– ГАИ, ОМОН не беспокоят? Пока паспорт достанешь, сегодня можно по шее прикладом заработать. – Гуров завернул в лаваш кусок шашлыка и пучок зелени.

– Останавливают. Случается, но редко, – сказал чеченец Ринат по кличке Сека, – мы люди законопослушные, ни оружия, ни дурмана не имеем. ГАИ наши машины знает, начальники с нами за столом сидят.

– Понятно. – Гуров прожевал, вновь пригубил из рюмки. – Значит, купили московских ментов?

Все разом заговорили, Князь положил на стол тяжелую ладонь, посуда звякнула.

– Кончайте, Лев Иванович, – сказал он веско. – Кто продается, того купили, кто честь имеет, с тем приятели. Не будем о больном. Вы, Лев Иванович, знаете, молодежь нас не уважает, живет по своим законам, порой и отец за сына не в ответе.

– Плохо, – Гуров вздохнул. – Мне многое не нравится в вашей жизни, но почтение к старшим и послушание я всегда приветствовал.

– Дома они ведут себя как ягнята, вырываются в Россию, становятся шакалами, не все, но многие, – сказал чеченец. – У нас никогда деньги не правили жизнью, авторитет и честь были превыше всего. У старших есть деньги, но чеченец не продается, другого человека не покупает. Мы вообще никогда не говорим о деньгах.

– Снова Москва виновата, что же она вас словно магнит тянет? – Гуров вытер руки, закурил. – У Тимура Яндиева большая семья? – Сыщик, как всегда, сломал разговор неожиданно.

Кавказцы замолчали, смотрели недоуменно, затем чеченец Ринат спросил:

– Родная семья или вас интересуют все родственники?

– Меня интересуют любимые Тимуром родственники. – Гуров поднялся, направился к столику Станислава.

Кавказцы быстро, перебивая друг друга, разговаривали на разных языках, порой переходя на русский.

– Ну, как дела? – поинтересовался Станислав, когда Гуров сел и налил себе сока.

– До чего люди много врут, удивительно, – сказал Гуров.

– Только тебе, большинство привыкло.

– Русские врут, клянутся мамой, но хотя бы каждую минуту не говорят о чести. Они ведут себя так, словно не обратились ко мне за помощью, а я у них чего-то выпрашиваю. Пытаются меня убедить, что рынки, базы, большинство палаток контролируют не они, а развращенная Москвой кавказская молодежь.

– Раз так, наплюем на них, – изрек философски Станислав. – Ведь их парня приговорили к вышке.

– Верно, но приговор вынес суд России. И потом, Станислав, я обещал, что ты будешь ходить только по ковровой дорожке? Главное, мы виноваты за бойню в Чечне. – Гуров взглянул на Шалву, поднялся. – Ничего, я им сейчас мозги вправлю.

Сыщик занял свое место за столом, равнодушно жевал терпкую веточку кинзы, молчал.

– Нам непонятно, Лев Иванович, зачем вам нужен список ближайших родственников Тимура, – сказал Ринат, прижимая ладонью листок бумаги. – Это все уважаемые люди, которые не могут иметь никакого…

– Я устал от тебя, Сека! – перебил Гуров. – Все уважаемые? Скажи, а живут в Чечне люди не уважаемые? Очень вы всегда красиво говорите. Вы меня позвали, я вам нужен, а вы мне тут все про честь толкуете и при этом постоянно врете.

Два азербайджанца, похожие, словно близнецы, поднялись из-за стола. Невысокие, крепкие, с проседью в смоляных волосах, с горящими от гнева глазами.

– Идите, это не вашего парня приговорили к вышке, зачем терпеть русского хама? – Гуров усмехнулся.

Шалва положил ладонь на руку Гурова, пробормотал:

– Лев Иванович, не обижай людей напрасно.

– Обидчивые очень, – Гуров отстранил руку Шалвы. – Скажи, Мелик, прежде чем уйдешь, значит, не ты контролируешь два известных нам с тобой рынка? Это беспутные мальчики, улетели из родного гнезда, опились в Москве водкой, трахают русских девчонок и не слушают мудрых, добропорядочных отцов? Сядь, Рафиз, – сыщик махнул рукой на второго азербайджанца, – тебе я позже тоже два слова скажу. Значит, вы уважаемые бизнесмены-москвичи и к беспределу молодых отношения не имеете? А если я, полковник Гуров, плюну на Тимура, пускай стреляют, а займусь вами вплотную? Я приду со своими людьми, которых вам не купить, и докажу, кто стоит на вершине пирамиды? Знаете, уважаемые, как быстро вы окажетесь в тюрьме? Я ликвидирую ваши московские прописки, у вас суд конфискует все имущество, отбыв срок, вы вернетесь на родину нищими и абсолютно неуважаемыми.

Все разом заговорили, Гуров, естественно, ничего не понимал, повысил голос:

– Хватит, мы собрались для решения другого вопроса. Это я вам сказал, чтобы вы поменьше о чести болтали. Тебе, Ринат, непонятно, зачем мне нужен список близких родственников Тимура. Так отвечу, мне ничего не нужно, все нужно вам. Если вы, конечно, хотите попытаться спасти парня. Никого из вас не касается, что я делаю и почему. Если бы ты, Ринат, знал то, что знаю я, то не пошел бы к Князю с поклоном, а Шалва не прилетел бы ко мне, словно его толстую задницу ошпарили кипятком.

– Очень неуважительно говоришь, Лев Иванович, – укоризненно произнес Князь.

– Терпите. Я же вас терплю. И рисковать-то буду я и другие русские парни. Запомните, если о нашем разговоре узнают, одни уважаемые перережут глотки другим уважаемым. Слушайте внимательно и выполняйте, словно волю Аллаха.

Гуров замолчал, допил единственную рюмку, закурил.

– Значит, так. – Он вздохнул, понимая, что делает первый шаг по дороге длиною в тысячи и тысячи километров. – Меня ваш список не интересует. Вы разыскиваете этих людей. Шалва, пытаясь меня разжалобить, сказал, что они находятся в Грозном. Ложь. В Грозном богатые люди сейчас не живут. Вы их разыскиваете там, где они живут, и под различными благовидными предлогами привозите в Москву. Действуете вы порознь, привозите тоже порознь, если необходимо, нанимаете людей. Здесь вы их фотографируете, тоже порознь,

рядом со мной и одним из вас. Снимки делаете «Полароидом» в одном экземпляре. Шалва, проследи, в одном экземпляре. Фотографии отдаете мне, сами наводите порядок в своих хозяйствах. Уберите перекупщиков, рэкетиров, шпану. Все. Спасибо за хлеб-соль. Я пошел.

Гуров даже не обратил внимания, что, когда он уходил, присутствующие молча поднялись. Когда сыщики надевали в гардеробе плащи, из зала вышел Шалва, казалось, он похудел, стал ниже ростом.

– Спасибо, Лев Иванович, но вы очень жестокий человек.

– Я? – Гуров взглянул с искренним недоумением. – Станислав, скажи!

– Вы не жестокий, но и далеко не подарок, Лев Иванович. – Станислав распахнул перед шефом дверь на улицу.

– Так и наша контора не магазин игрушек. Шалва, уложитесь в два, максимум три дня. И еще… – Гуров вывел Князя на улицу. – Найдите в России, лучше за Уралом, друзей, обязательно русских, у которых родственников Тимура можно было бы спрятать.

– А почему обязательно русских? – удивился Князь.

– Потому что вы все между собой родственники и трепачи. Одна бабушка напишет другой бабушке, та сообщит соседке. Мы будем иметь трупы.

Шалва вернулся в кафе, Гуров и Станислав сели в «Мерседес», у машины появилась фигура в плаще с капюшоном.

– Все в порядке? Желаю счастливого пути.

Крячко приспустил стекло, спросил:

– Я что-нибудь должен?

– Ни в коем разе. Заезжайте, всегда рады.

– Что ни говори, а деньги – сила. – Станислав тронулся с места. – Как прошли переговоры?

– На уровне, – буркнул Гуров. – Осужденный точно чей-то сынок, за простого парня они бы и не шевельнулись.

– Ясное дело, – кивнул Станислав. – Так я поутру на Петровку, добывать свидетелей.

– А я в прокуратуру, попробую освободить Георгия Тулина. Убить ему меня не удалось, о покушении я молчу, на мужике висит лишь хранение оружия. Он русский офицер, «афганец», ордена, за незаконное хранение стволов его держат в тюрьме несправедливо.

– А если бы он тебя убил? – спросил Станислав, адресуясь больше к себе, чем к Гурову.

– Если бы у бабушки были колеса, была бы не бабушка, а трамвай. Парня много лет учили убивать, он ничего другого делать не умеет.

– И ты будешь его вербовать?

– Ты знаешь, я не вербую, устанавливаю отношения, – ответил сердито Гуров. – Тулин нам нужен.

– Рассчитываешь на чувство благодарности? Тигр тоже умеет только убивать; если ты его выведешь из клетки и будешь крепко держать за хвост, то получишь могучего охранника. Только хвост отпускать нельзя, тигр тут же оторвет тебе голову.

– Ты меня учи, учи. Ты лучше договорись с Василием Светловым, обеспечь ребят машинами да раздобудь свидетелей обвинения. А о своей голове я сам позабочусь.

– Машины достал, Чапаев готов, нужны деньги, – с некоторой обидой в голосе ответил Крячко.

– Двадцать тысяч пока хватит? – Гуров положил на колени друга две пачки долларов. – Выдай ребятам зарплату за месяц вперед, возьми себе, оплати прокат тачек, составь короткий отчет, не хочу, чтобы кто-то думал, мол, мы обогащаемся.

– И в кого ты такой чистоплюй?

– В маму с папой, – ответил серьезно Гуров.

Помощник прокурора Федул Иванович Драч был давнишним другом и ровесником генерала Орлова. Естественно, что Гурова прокурорский знал давным-давно, по-своему любил, но держал сыщика в строгости. В молодости Драч работал в розыске и знал все примочки и финты, используемые ментами во взаимоотношениях с прокуратурой.

Высокий, худой, с длинным носом и лохматыми бровями, чиновник походил на злую птицу, постоянно смотрел недоверчиво, часто усмешливо. Сейчас, сидя за служебным столом своего скромного кабинета, он крутил в костлявых пальцах рапорт Гурова, сворачивая из листа кулечек, словно собирался насыпать в него карамельки.

– Ты хочешь меня убедить, парень, что твой Тулин не представляет никакой общественной опасности. – Драч двумя пальцами ухватил свою лохматую бровь, прикрыл ею глаз, взглянул на сидевшего напротив Гурова. – Винтовку уникальную с оптическим прицелом он приобрел по случаю с целью перепродажи, а пистолетик вывез из Афгана, держит исключительно для самообороны. Ты, мальчонка, меня за старого дурня держишь?

Гуров молчал, убежденный, что опытный чиновник все понимает и ни о чем не спрашивает.

– Ты в одном прав, дело твоего парня судебной перспективы не имеет. Офицера, орденоносца, героя Афгана за хранение оружия не осудят. Но человек он крайне опасный, чем дольше просидит, тем людям спокойнее. Слушай, Лева, – Драч заговорил доверительно, – признайся, как ты познакомился с Тулиным?

Весной Тулина наняли для ликвидации Гурова, между ними произошла жестокая рукопашная схватка, которую сыщик при всей своей силе и ловкости проиграл. Тулин оказался и сильнее, и моложе, да и подготовлен был лучше. Гурова спас случай, сыщик был уже распластан и задыхался в могучих руках наемника, когда сумел нащупать наручники и из последних сил ударил нападавшего по голове. Затем оружие упаковали в «Ниву», которую использовал Тулин, и подсунули машину и плохо соображающего наемника посту ГАИ. Гуров уже тогда, сам сильно помятый, хромой и в кровоподтеках, понял, что в хороших руках «афганцу» цены нет, показаний никаких не дал, и Тулин сидел по обвинению за хранение оружия. Сыщик отлично понимал, что офицер Афгана – человек крайне опасный, но сейчас решил рискнуть, настоящий сыщик всегда по краю ходит.

– Ты чего молчишь или память отшибло? – опять же ласково спросил Драч.

– Федул Иванович, мы же с вами люди взрослые, все понимаем, – осторожно ответил Гуров и посмотрел чиновнику в глаза. – Вы занимаете определенный пост, обязаны соответствовать. Допустим, я расскажу вам правду. Георгий Тулин получит срок, через пару лет выйдет на волю злой, прекрасно обученный убийца. Допустим, я молчу, вы не изменяете Тулину меру пресечения, держите в тюрьме, после суда освобождаете опять же злого и хорошо обученного… Кому от этого польза?

– Заговорил, я знал, что ты в деле темнишь, – довольно произнес Драч. – До меня дошли слухи, что ты крепко повздорил с Петром и ушел в отпуск. Верно?

– Допустим.

– И я в такую дурь поверил?

– Это вряд ли, – Гуров усмехнулся.

– Значит, ты взялся за старое, решил наводить в России порядок не законным образом, а своими руками. И тебе понадобился боевик – «афганец», который тебе кое-что должен.

– Дорогой Федул Иванович, я всегда считал вас проницательным человеком, – улыбнулся Гуров.

– Я тебе, мент, не дорогой, а господин советник юстиции… Я закон блюду и не позволю… – Драч неожиданно прервал себя на полуслове, вздохнул. – И что мне с тобой, чертяка, делать?

– Со мной ничего, пока не виноват, – ответил Гуров, сдерживая улыбку, понимая, что победил. – Георгию Тулину измените меру пресечения на подписку о невыезде. Я гарантирую, на суд парень явится.

– Ничего ты не можешь гарантировать, – ворчливо произнес Драч, развернул кулечек, расправил рапорт Гурова. – Знаю ваши оперативные шуры-муры. Он гарантирует! – Прокурорский хохотнул.

Гуров встал, поклонился, заставил себя улыбнуться благодарно.

– Спасибо, Федул Иванович.

– Не скалься, овечки из тебя не получается. Желаю успеха.

Георгий Тулин вышел из тюрьмы, прикрыл за собой железную дверь, смотрел на деловитых прохожих, большинство из которых и не подозревало, что находится за железным забором и узкой, словно щель, проходной. Рядом остановилась иномарка, гуднула, дверь приоткрылась. Тулин непроизвольно заглянул в машину, увидел голубые глаза скупо улыбающегося Гурова.

– Садись, Георгий, подвезу, – полковник перегнулся через переднее сиденье, толкнул дверь.

– Я Москву знаю, доберусь, – сердито ответил Тулин, но в машину сел. – Благодетель, мать твою. – Он закурил. – Я гадаю, чего вдруг меру изменили, оказывается, крестный побеспокоился.

– Кому ты, кроме меня, нужен? – Гуров припарковался у салона-парикмахерской. – Ты вроде как недоволен?

– Терплю, крестный. Чего встали?

– Иди, приведи себя в порядок. – Гуров протянул Тулину пятьдесят тысяч. – Побреешься дома, теперь в парикмахерской не бреют.

Когда Тулин вышел из парикмахерской, Гуров взглянул на его мощную статную фигуру, подумал: никогда на Руси человеков не ценили, такого парня в распыл пустить – и никто не в ответе.

– Мне после встречи с тобой два шва на башке наложили, девица стригла, ахала, пришлось на Афган списать. А теперь куда?

– Одевать тебя будем. – Гуров повернулся, взглянул Тулину в глаза. – А ты почему мне «тыкаешь»? Мы с тобой в одном окопе сидели?

– Нет, но вроде как… – Тулин смешался, тут же огрызнулся: – А вы мне почему «ты» говорите?

– Законно. Я полковник, а ты лишь капитан запаса. Давай, чтобы все было в рамках приличия. Меня зовут Лев Иванович, если сердишься, можешь называть господин полковник. А я тебя называю как хочу.

– А не лишнее?

– В самый раз, – отрезал Гуров. – И учти, тебя в прокуратуре не любят, я слово офицера дал, что ты не сбежишь, на суд явишься.

– Ей-богу, сызмальства, после отца с матерью, никто обо мне не пекся. Закурить разрешите, господин полковник?

– Кури.

– Так у меня нет.

– Оно и к лучшему. – Гуров припарковался у большого супермаркета. – Купим тебе прикид. – Он осмотрел затертую одежонку недавнего арестанта.

Вещи отбирал и покупал Гуров, отставной капитан лишь мерил да помалкивал. Они вышли из магазина с двумя большими пакетами и одним свертком, в

котором лежала старая одежда и обувь Тулина.

– Можно выбросить? – Он остановился около урны.

– А работать ты в чем собираешься? – Гуров оценивающе оглядел спутника.

Серая водолазка под горло, кожаная куртка с бесчисленными карманами, высокие ботинки на толстой подошве.

– Дешево, конечно, – подвел итог Гуров. – Заработаешь, купишь получше. Но для капитана-отставника смотришься нормально, на бандита слегка мажешь, но это от сути твоей, а не от одежды.

– Простите, а ваша фамилия случайно не Макаренко? – язвительно спросил капитан.

– У меня совсем другая фамилия, ты ее очень скоро хорошо запомнишь.

Они ходили по двухкомнатной конспиративной квартире. Гуров провел пальцем по телевизору, оставляя след на пыльной поверхности.

– До суда будешь жить здесь, вытри пыль, приведи квартиру в порядок.

– Извините за любопытство, господин полковник, как я понимаю, здесь вы принимаете своих стукачей? – уточнил Тулин.

– Если себя ты считаешь стукачом, то и понимаешь правильно. – Гуров отодвинул стул, застелил газетой, сел. – Утром за тобой заедут, отвезут в отделение, оформят временную прописку, работать определят в таксопарк.

– Вы меня вербуете, – утверждающе произнес Тулин. – Я никогда не стану агентом, никого не буду закладывать.

– Не спорю, ты физически здоров, но наглости в тебе значительно больше, чем силы. – Гуров придвинул к себе грязное блюдце, закурил. – Ты нанялся за деньги

меня убить, – он загнул палец. – Я не дал на тебя показаний и спас от срока длиною в жизнь. Я тебя не спрашиваю, кто тебя послал и сколько заплатили. Вытащил тебя из камеры, умыл, одел, даю жилье, прописку и работу. – Он разжал кулак, пыхнул сигаретой. – Мог бы спасибо сказать и не разориться.

– Представляю, сколько вы, Лев Иванович, за свою доброту потребуете. – Капитан тоже закурил, присел на край тахты.

– А чего с тебя взять? «Я никого не сдам, не выдам!» Пустобрех! Фокин мертв, а генерал-полковника на твоих показаниях не то что в суд, на пенсию не отправишь.

– Вы из тайного монашеского ордена или Общества Красного Креста? – Капитан фальшиво хохотнул.

– Это вряд ли. – Гуров отряхнул пепел, затянулся, выпустил кольцо дыма, которое медленно поплыло в затхлом воздухе квартиры.

– Зачем я вам нужен?

– Черт меня поймет, не знаю. Я тебя оценил там, в пустом доме, когда ты меня чуть не удавил. И позже, на следствии, ты вел себя достойно. И в камере, я знаю, держался как мужчина и ничего не просил. Капитан, мужиков сейчас мало, я их про запас собираю. На черный день. Ты будешь работать таксистом и ждать суда. А после решишь, по какой дороге и куда топать. Своему генералу позвони, сообщи, мол, освобожден под подписку, живешь тихо, ждешь суда. О нашем разговоре можешь не докладывать. Они тебя, конечно, проверят, временно оставят в покое. Живи здесь чисто и опрятно. Водку пьешь?

– Мало.

– Лучше исключить совсем. Дружков и женщин можешь водить, квартиру я все равно сжег. Меня не ищи, я на суде буду, постараюсь, чтобы особо не затягивали. Там жизнь покажет.

Гуров поднялся, положил на стол ключи, несколько крупных купюр и молча вышел.

Гуров не лукавил, он действительно не знал, как в дальнейшем можно использовать Георгия Тулина, что за человек капитан, записался он в киллеры от безысходности или ему совершенно нельзя верить. Ясно, что среди офицеров среднего звена бывшего КГБ существует группа людей, не принявших новый строй и стремившихся к реваншу. Одним из руководителей группы был полковник Фокин, ныне покойный, ранее служил у генерала Коржанова, который, по мнению Гурова, о заговоре ничего не знал. Генерал летал выше крыши, «мелкими» делами не интересовался.

Сегодня нет Фокина и всесильного генерала, верхнюю колоду перетасовали, но тщеславные высококвалифицированные полковники остались на местах. Их наверняка используют финансовые воротилы, одних используют втемную, подбрасывают с барского стола, кормят обещаниями о солнечном завтрашнем дне. Иные полковники – враги идейные – на деньги не льстятся, мечтают вернуть себе реальную власть, какая у них была в старые времена. Это страшная сила; используя творившийся в стране бардак, безоглядное воровство и обнищание целых регионов, используя такую силу, можно пообещать людям навести порядок и реставрировать фашистский режим.

Война в Чечне не только уничтожает людей, калечит души оставшихся в живых. Эта бездонная дыра, в которую уходят сотни миллиардов, обогащает единицы, обескровливает общество.

Не существует вечных двигателей и бездонных колодцев. И Россия богата, но не бездонна, деньги, исчезающие в чеченской войне, берутся не из воздуха, их отбирают у миллионов людей.

Гуров был лишь профессиональный розыскник, в политике разбирался на уровне среднего обывателя, может, чуть лучше, не более того. Но он отлично понимал: не было бы людей, заинтересованных в чеченской бойне, не было бы и бойни. Одни на войне делают состояние, для некоторых деньги – вопрос второстепенный, такие фюреры ждут, когда у людей кончится терпение. Сейчас, судя по всему, вопрос о ликвидации Президента отпал, человек болен, неопасен, постепенно превращается в Брежнева, в человека, который царствует, но не правит.

Гуров и Крячко сидели в гостиной Гурова, листали газеты, молчали. На журнальном столике перед необъятным диваном стояли бутылки с боржоми, коньяком и вазочка с орешками. Коньяк даже не открывали, оперативники соревновались в стойкости характера, хотя за последний год Гуров так мало употреблял, что и желание выпить практически пропало.

– Сам убыл в отпуск, интересно, что творится вокруг венценосного тела? – Станислав отбросил газеты, кинул в рот несколько орешков.

– Даже если бы нас с тобой под этот ковер пустили, мы бы все равно ничего не поняли. – Гуров тоже отложил газеты, закурил. – Убежден, даже ближайшее окружение не знает точно, кто из них кто, все в масках. Ты их отличаешь одного от другого?

– По физиономиям: один толстый, другой худой, третий лысый, все за мир, стабилизацию, демократию. – Станислав зевнул. – Наше дело телячье.

– Ты знаешь имена ребят, которые вышли на Красную площадь с протестом против наших танков в Венгрии?

– Бессмысленное самоубийство.

– Не прикидывайся дураком, надоело. – Гуров взял со стола бутылку коньяка, поставил на место. – Когда ребята выехали по добытым тобой адресам?

– Вчера днем.

– Почему не звонят?

– Сказать нечего, ты же сам определил линию поведения. Парни дисциплинированные, умные, никакой реакции быть не должно. Я вообще не понимаю, чего ты ждешь от такой бархатной беззубой работы.

– Ты сам сказал, ознакомившись с розыскным делом, считаешь, что оно организовано.

– Я много чего считаю, точнее предполагаю.

Друзья разговаривали лениво, испытывая друг к другу неприязнь, ни один не хотел первым дернуть за веревочку. Как обычно, первым не выдержал Станислав и начал с провокации:

– В принципе дело дохлое, бесперспективное, только зря тратим время, силы и деньги. Очень мне интересно знать, что ты скажешь Шалве Гочишвили. – Он открыл коньяк, плеснул в бокал, понюхал, пригубил. – Князь слово держит, коньяк настоящий.

Гуров никак не реагировал, разговаривал задумчиво, словно сам с собой, и не ждал ответа.

– Значит, есть основания предполагать, что в день взрыва все поступки парня были выверены, маршрут разделен на клеточки, в каждую поместили по свидетелю. Слабое место – сами свидетели. – Гуров помолчал, загасил сигарету. – Известно, свидетелей никогда не найдешь. А тут люди вышли из автобуса на разных остановках, сразу после катастрофы сбежались в отделение милиции.

– Ничего странного, взрыв не первый, люди напуганы, жаждут возмездия.

– Станислав, не говори красиво. Люди часто жаждут, но в милицию их на аркане не затащишь. В конкретном случае пять человек дали не только первичные показания, все явились в суд, выступили прилюдно. А в судебном заседании могли находиться злые чеченцы, которые подобных поступков не прощают. – Гуров хмыкнул, закурил новую сигарету.

– Ты много куришь, приятель, – заметил Крячко.

– Я бросил пить, брошу курить, тогда меня следует кастрировать и живым выставить в музее восковых фигур, – Гуров наконец рассердился. – Ты что, и правда не понимаешь, что среди пяти свидетелей, согласно элементарной статистике, должны были оказаться и трусы, и просто осторожные и равнодушные? Один бы спрятался на даче, другой бы заболел или уехал в командировку. В суде при лучшем раскладе мог оказаться один свидетель, ну два максимум. А явились все пятеро.

– Странно, но факт. – Станислав допил коньяк, налил новую порцию. – Я не хочу тебя огорчать, Лев Иванович, но лично я убежден, мы ищем прошлогодний снег. Ты такой мудрый, рассуди. Существуют два варианта. Парень взорвал автобус, все наши рассуждения от лукавого. Никакой организации и действительного террориста не существует. Допустим, мы правы, и парень лишь жертва. Опять полный нуль. Организацией действа занимались профессионалы. Первое, что они сделали после взрыва, это похоронили действительного взрывника. Искать нам абсолютно некого, а нет задержанного, так и ничего нет, и приговор приведут в исполнение. Я сегодня ночь не спал, все раскладывал по полочкам. Так что не мучайся, выпей, верни Князю деньги.

– Согласен, Станислав, ты хорошо, с пользой провел ночь. Если ты мне ответишь на один вопрос, я немедленно выпью и позвоню Шалве.

Станислав смотрел настороженно, он слишком хорошо знал своего друга и начальника. Давно известно, раз вопрос, значит – петля.

– Еще и не спросил, а такую песню испортил. – Он допил свой коньяк, откинулся на спинку дивана, сказал: – Стреляй, не тяни!

– Вопрос очень простой. Зачем некой группе профессионалов понадобилось взрывать автобус и задерживать террориста?

– Чего? – Станислав от возмущения даже открыл рот. – Общественное мнение! Оправдать свои варварские бомбежки! До бесконечности продолжать войну, из которой они качают деньги! Ну ты и спросил! У тебя сдвиг по фазе! – Он постучал по виску.

– Согласен, Станислав, – спокойно ответил Гуров. – Меня радует, что ты по той голове стучишь. Может, твои шестеренки начнут вертеться в правильном направлении. Общественное мнение? В России не хватает ненависти к чеченцам? Несколько интеллигентов возмущаются, а большинство считает: Чечню следует отутюжить танками, чтобы другим неповадно было. Генералы стремятся оправдать бомбежки мирных селений? Генералам не надо ничего оправдывать, у них имеются самолеты и бомбы, генералы делают свою работу, и один автобус в Москве – не предлог и не оправдание. Они качают деньги? И будут качать, и войну будут продолжать. Ты опытный оперативник, Станислав. Тебе прекрасно известно, организовать преступление, обеспечить свидетелей

так, чтобы ни в одном звене следствия ничего не посыпалось, – дело не простое.

– Это точно, – Станислав согласно кивнул. – Оперативники МУРа и ФСК, следователи прокуратуры, суд присяжных. Всех не задавишь и не купишь, больно много людей. Механизм должен быть отлажен, словно швейцарские часы.

– Видишь? И все делать для того, что и так имеется в избытке. Но кто-то потрудился, я хочу знать, кто и с какой целью?

– Если все это ты не придумал.

– Считаешь, бочка пуста и пороха в ней нет? – спросил Гуров.

– Какая бочка? – удивился Станислав.

– Представляешь, стоит закрытая бочка, что в ней, знают лишь посвященные, а любопытные – это мы с тобой – гадают, что в бочке? Вода или порох? Как, не открывая, узнать?

– Дырочку провертеть, – усмехнулся Крячко.

– Так кто же тебе даст? Ты бы еще предложил вскрыть и заглянуть.

– Не так глупо, – настроение у Станислава вконец испортилось.

– Можно подойти к бочке и закурить. Посвященные себя проявят. Если в бочке вода, кури себе на здоровье. А если порох…

– Тебя тут же похоронят.

– Потому я и застраховал тебя и ребят.

– Ну, спасибочки! – Крячко вскочил и поклонился. – Я не подопытный кролик!

– Не пыли, выпей, – Гуров снова закурил. – Позвони Шалве, скажи, что отказываешься.

– Значит, мы будем копать и ждать, рванет или не рванет?

– Ты сегодня шумный, утомительный, – укоризненно произнес Гуров. – Ты же слышал, как я инструктировал ребят. Не топать, железками не тыкать, грубых вопросов не задавать. Мол, есть мнение, что террорист был не один. Глупости, конечно, но мы люди подневольные, частное сыскное агентство, велено проверить, нам деньги платят. Если, как ты говоришь, действительного террориста давно закопали, на частных сыщиков никто внимания не обратит. А если убийцу для каких-то нам непонятных целей берегут, то любопытные опасны и кто-то шевельнется. Не выстрелит, незачем любопытных плодить, известно, одного убьешь, тут же пятеро прибегут. Не выстрелят, но шевельнутся, мы такое шевеление должны засечь.

Друзья долго молчали, затем Станислав раздраженно отодвинул коньяк, налил себе боржоми и сказал:

– Допустим, но как мы будем противника выявлять, как искать террориста и чем доказывать?

– Ты, Станислав, на лифте сразу на верхний этаж махнул, а следует ножками по лестнице пройти, каждую ступенечку опробовать. Где-нибудь да треснет, прогнется. Один чеченец-террорист не стоит для организаторов таких колоссальных трудов. У них что-то иное на уме.

– У тебя имеются предположения? – спросил Крячко.

– Сожалею, – Гуров пожал плечами. – Кроме пятерых отважных свидетелей, здесь есть еще одна неувязочка. Тимур Яндиев принадлежит к могущественному клану, таких парней не используют на черной работе.

– Возможно, это разборка одного клана с другим, – неуверенно произнес Станислав, недовольно поморщился. – Извини, глупости говорю. Они бы шлепнули его на родной земле, не везли в Москву, не устраивали бы сложные постановочные спектакли. Исполнено не в манере чеченцев; если ты прав и мы имеем дело с постановкой, то ее осуществила спецслужба.

– Долго ты карабкался на садовую скамейку, словно Эльбрус покорял, – усмехнулся Гуров. – Конечно, спецслужба, думай, кого из верных ребят мы знаем в ФСК, без их помощи нам не справиться.

– Паша Кулагин, он теперь полковник, начальник отдела. Паша – твой приятель, тебе и говорить, – ответил Станислав.

– Оно и плохо. – Гуров вытряхнул из пачки новую сигарету, отбросил, выпил боржоми. – От сигарет во рту словно с похмелья. Все знают, что мы с Пашей давно приятельствуем, если нашу встречу засекут, мы полковника подставим, лишим инициативы.

– Я тоже не гожусь, известно, я человек Гурова, нужен неизвестный посредник, которому Кулагин поверит.

– Верно, я этот вопрос решу, – сказал Гуров задумчиво. – Здесь нужен простой, открытый ход, на который никто не обратит внимания. Мы с ФСК порой работаем рука об руку, надо встретиться с Пашей по официальному делу, только не мне и не тебе.

– А кому? – Крячко покачал головой, вздохнул. – Ты мне лучше скажи, почему невиновный, приговоренный к расстрелу человек молчит, отказывается от последнего слова?

– Ты глупеешь, Станислав, вопрос на уровне таблицы умножения.

– Спасибо, Лев Иванович, я всегда знал, ты меня любишь.

– Люблю. Что выросло, то выросло.

Глава 3

Родственников осужденного доставили в Москву, расселили по двое порознь на квартирах, не имеющих к чеченцам никакого отношения. Гуров не гримировался,

лишь надел очки с простыми стеклами, оделся затрапезно, слегка ссутулился и на машине Василия Ивановича Светлова, с которым лет сто назад начинал службу в МУРе, объехал все квартиры, где поселились чеченцы. Две сестры, мать с отцом, деда устроили отдельно.

Светлов пребывал на пенсии, работал водителем в гараже министерства, взял отпуск и поступил на довольствие к Гурову. Чапаев, как звали исстари Светлова за его легендарное имя-отчество, в свои неполные шестьдесят был доволен, словно сбежавший с уроков школьник. И дело было не столько в деньгах – Гуров определил старому другу оклад, не уступающий министерскому, – сколько в том, что он, старый сыщик, снова работает с «ребятами», будто вернулась молодость. Ну а деньги, конечно, прекрасно, можно будет дачку подремонтировать, воду в дом провести, супруга молчит, однако воду из колодца носит с тремя остановками.

Машину он взял не служебную, свой старенький «жигуль», который чистил и налаживал каждую субботу и воскресенье. Увидев маскарад Гурова, старый сыщик довольно улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, Лев Иванович, ты прост, как колесо телеги, сколько люди не мудрствуют, лучше ничего придумать не могут. Ты вроде бы и не ряженый, а узнать тебя невозможно. Извини старика, но стрижечка у тебя и одеколон другого человека.

– Молодец, Василий Иванович, с одеколоном я ничего поделать не могу, а причесочку исправим. – Гуров достал из кармана головной убор, не имеющий ни формы, ни названия, и водрузил на голову.

– Вот теперь абсолютно в цвет, – хохотнул Светлов. – Куда прикажете?

Гуров назвал адрес, оглядел старого приятеля, сказал:

– Будешь моим личным шофером, оглядывайся, как заметишь неладное, не проверяйся, тормози, я с тобой расплачусь, ты мне дашь сдачи и уматывай. Думаю, несколько дней у нас есть. Будешь возить оперативников, с ними ты засветишься вчистую, тут ничего не поделаешь.

– Лев Иванович, не пугай, покойный батя лет в семь меня сильно ремнем излупцевал, я с тех пор так и боюсь.

– Ты мне на листочке все свои данные запиши, я тебя застрахую, хозяйка наверняка пенсию грошовую получает.

– Не меняешься, Лев Иванович, все ищешь. – Светлов прищурился, аккуратно объехал троллейбус. – Тьфу, чтобы не сглазить, но видится мне, твою пулю еще не отлили.

Они замолчали. Когда Светлов остановился по первому адресу, Гуров прихватил спортивную сумку, в которой лежал «Полароид», вышел из машины, обронив:

– Чапаев, пойдем со мной, будешь фотографом.

Гуров решил съемки никому не доверять, еще, чего доброго, сделают дубликат на память.

И сестры, и отец с матерью, проживавшие в другом доме, держались спокойно, с достоинством, не обронили ни слова, на Гурова глаз не поднимали. Он сфотографировался с каждой парой и чеченцем Ринатом, молча поклонился и ушел. Лишь с отцом произошла небольшая заминка, чеченец не хотел держать в руках газету «Правда», как требовал того Гуров. Но Сека что-то резко сказал по-чеченски, и отец подчинился.

По третьему адресу, где жил дед Тимура, находился и Шалва Гочишвили.

Гуров сухо поздоровался, поставил три стула в центре комнаты. Светлов уже приноровился, встал спиной к окну, взглянул в камеру, сказал:

– Сядьте как можно ближе, а вы, уважаемый, газетку не мните, расправьте, прижмите к груди.

Светлов щелкнул, вынул выползшую из аппарата фотографию, передал Гурову.

– Спасибо, Василий Иванович, подожди в машине.

– Выпьем по стакану вина, – сказал Шалва, недовольный, что Гуров явился в подобном виде. Грузин был тщеславен, ему хотелось показать старинному другу, какие блестящие люди работают в Москве на Князя Гочишвили. А тут вместо холеного, словно американец, статного и самоуверенного супермена явился русский мужичонка, казалось, он сегодня не только не брился, но и не умывался.

– Хочу познакомить вас, дорогие друзья. – Шалва наполнил стаканы темным, как перезрелая вишня, вином.

– Не надо, – Гуров выждал, пока старый чеченец сядет, сел за стол, взял стакан. – Скажите, уважаемый, почему вы так уверены, что Тимур не совершал преступления?

Темное от солнца и ветра лицо старого чеченца походило на маску, но глаза гневно сверкнули.

– Я знаю своего внука, – после небольшой паузы произнес он.

– Это немало, – Гуров кивнул, выпил кислое ароматное вино, повернулся к Князю. – Шалва, ты нашел место, куда могут уехать твои гости?

– Нашел, – недовольно ответил Князь. – Пойми, Лев Иванович, они не дети, их нельзя без объяснений перевозить с места на место.

– Если они хотят дать мне шанс бороться за жизнь Тимура, поедут. Уважаемый, – Гуров вновь обратился к старику, – скажите Мелику и Рафизу, чтобы они убрали из Москвы своих боевиков, торговцы пусть остаются, остальным надо уехать.

– Русский, ты был в Грозном, видел, что сделали с нашим городом? – Голос у старика был молодой и твердый.

– Отец, у меня тоже есть представление о чести, поэтому, если Тимур не виноват, попытаюсь его спасти. Я только человек, у меня одна голова.

Гуров выдержал долгий взгляд чеченца.

– Аллах тебе поможет, – сказал старый чеченец и отвернулся.

– Это вряд ли, – Гуров поднялся. – Мы говорили, что азербайджанцы уберут из Москвы своих боевиков.

– Для русских что грузин, что чеченец или азербайджанец – одно и то же, но мы разные. Хорошо, я скажу Мелику и Рафизу, надеюсь, они услышат мои слова.

– Спасибо, терпения вам, я буду стараться, – Гуров кивнул и шагнул к двери.

– Подожди, – остановил сыщика старый чеченец, долго смотрел ему в лицо, спросил: – Много среди русских таких, как ты?

– Не считал, но их наверняка гораздо больше, чем всех чеченцев, вместе взятых, – ответил Гуров, вышел довольный, что и не солгал, и не обидел.

Газеты и телевидение вели массированную бомбардировку, вроде бы били по генералам, чиновникам, беспомощному, начисто забывшему свои предвыборные обещания Президенту. На россиянина никакие словеса уже не действовали, он не желал разбираться, кто прав, кто виноват, хотел жить нормально, работать, получать зарплату, чинить свой плетень или «жигуленок», пить водку, любить женщин. Денег не платили, с утра до глубокой ночи повторяли слово «Чечня». Да кто они такие? Их на карте не отыскать. Желаете свободы? Да катитесь вы к едрене матери, дайте пожить спокойно!

В России в последние годы национализм расцветал бурно, известно: русский – и пьяница, и работать не всякий любит, и что плохо лежит на месте не оставит, – но уж национализм среди главных «достоинств» русских раньше не числился.

Советский Союз, может, и был тюрьмой народов, но ключи хранились не у простого русского человека. Ключи от клеток лежали в сейфах Политбюро, обкомов, крайкомов, далее со всеми остановками. Русского никогда национальность соседа особо не волновала. Если речь идет о мужике, интересно знать, как он работает, пьет или нет, можно ли на него положиться и занять до получки. Если говорили о женщине, то хозяйка или вертихвостка, скандальная или душевная, ну, какая у нее задница, тоже имеет значение. А что татарка она или из Рязани, так кто же ее знает, да и неинтересно совсем.

Журналисты и телевидение поливали чеченскую войну из мощных брандспойтов, но в России никто никогда меры не знал и результатами своей деятельности не интересовался. Я прокукарекал, а там хоть не рассветай.

Гуров прекрасно знал, что многие русские, мягко выражаясь, чеченцев не любили. Не все знали, что при Сталине народ депортировали, практически уничтожили, а люди, вернувшись, свои дома возродили. Но зато про независимость, которую чеченцы требуют, широко известно. И чего им надо? Вот, к примеру, Тамбовщина тоже независимости желает, однако пашет себе да помалкивает, втихую коммунистов поддерживает, при них порядок, у всех поровну, ни у кого ничего нет, водки залейся. В Чечню, как в бездонную пропасть, трудовая зарплата уходит. Писаки утверждают, что деньги уплывают в иное место. Неважно! Не было бы Чечни, воровали бы меньше. В России главное – знать, кто виноват. То на евреев все списывалось, но к ним уже привыкли – хоть и жиды, но свои, родные. Теперь стали виноваты «черные».

Гуров вспомнил человека, у которого несколько раз подряд под Гагрой, как у родного брата, жил. С последнего раза он, кажется, должен хозяину остался, так куда теперь перешлешь, да и живой ли сейчас этот Ахмед или Гарик, кто бы он ни был по национальности? Забыл и имя его, а может, и не знал никогда. Как плов и шашлык хозяин готовил – помнил, а уж чача какая была – так и слов нет. А человека забыл… Гуров поморщился, как от зубной боли.

Продали Россию демократы доморощенные, правда, кто купил матушку, то тайна великая есть.

Гуров только вошел в квартиру адвоката Бояринова, как почувствовал, что в его обители произошли перемены. Нет, вся обстановка, предметы старины остались на месте. И потемневшее, тусклое огромное зеркало в прихожей, в фигурной, тяжелой, видимо серебряной, раме, и отполированные оленьи рога над зеркалом, и потертый ковер под ногами. Да и сам хозяин Иван Максимович Бояринов по-прежнему костляв, огромным носом и чуть склоненной набок головой похож на грифа, высматривающего добычу, и платочек на жилистой шее.

Гуров раскланялся с хозяином, с которым согласовал свой визит по телефону. В прошлый раз прощались они доброжелательно, но сегодня адвокат вновь руки

не подал, жестом приглашая следовать за собой. Проходя через гостиную, Гуров чуть не поперхнулся: на месте крошечного, пожелтевшего от старости холодильничка стоял огромный белоснежный двухкамерный агрегат, а изменения, которые ощутил сыщик, войдя в квартиру, заключались в запахах. Вместо прежней бумажной затхлости и пыли квартиру наполняли ароматы, которые ощущаешь, войдя в восточный ресторан.

– Как это понимать, милостивый государь? – Бояринов указал на потертое кресло, сам уселся за стол. – Я недавно прихожу из консультации и наблюдаю подобное безобразие. Моя квартира – не склад ворованных вещей… В общем, понимаете. Заметьте, холодильник полон различных продуктов, многие я не знаю, как называются, раньше я смотрел их по телевизору.

– Простите, Иван Максимович, – Гуров силился сдержать улыбку, – не понимаю, какое отношение к происшедшему имею я, Лев Иванович Гуров.

– Не играйте, уважаемый, с вашими способностями вас не взяли бы в самый захудалый провинциальный театр.

– Неправда, из меня получился бы отличный контролер и вышибала, – серьезно ответил Гуров. – И не шейте мне дело, вы же адвокат. Взятки здесь нет, отсутствует состав преступления. Незаконное проникновение в частную квартиру, согласен. У меня нет даже косвенного соучастия. При большом желании мне можно инкриминировать недоносительство. Знал, но не сообщил. Иван Максимович, вы же отлично понимаете, дело против меня судебной перспективы не имеет.

– Да, черт побери! Но я оттуда ем!

– Для опытного юриста вы выражаетесь непозволительно. – Гурову удалось подавить смех, сыщик говорил абсолютно серьезно. – Вы не едите из холодильника, лишь берете из него продукты, а едите, как все люди, из тарелки.

– Но я ем ворованное, меня вынудили… Если бы мой дед…

– Позвольте не согласиться и перебить, – сказал решительно Гуров. – Возможно, вас разочарует мое сообщение, так как лишает ореола мученика. Человек, на чьи деньги все приобретено, не ворует уже лет двадцать. Срок давности и все

остальное… Иван Максимович, оставим спор о колбасе, для подобных дебатов существует Дума. Поговорим о вашем подзащитном.

– У меня нет подзащитного, есть осужденный.

– В тонкостях не разбираюсь. Уважаемый Иван Максимович, я имел неосторожность познакомиться с дедом Тимура Яндиева и пришел к выводу, что парень не виноват.

– Всегда знал, потому для меня нож острый – подобные подношения. Но он молчит! Понимаете? Он не дает мне никакого шанса на его защиту.

– Заговорит. Его показания не могут быть расценены как вновь вскрывшиеся обстоятельства, послужить основанием для повторного судебного разбирательства. Показания Тимура окажутся бездоказательными. – Гуров уже достаточно освоился в кабинете, подвинул пепельницу.

– Курите, курите, – поспешно сказал адвокат. – Откуда вы все знаете, как вы получили дело?

– Не суть важно, Иван Максимович, – ответил Гуров и закурил. – Мне необходимо встретиться с Тимуром Яндиевым.

– Невозможно. Он содержится в камере смертников, свидание с ним может получить только адвокат.

– Уверен, я мог бы встретиться с парнем и без вас, но считаю подобный шаг неэтичным. – Гуров сделал короткую паузу и продолжал: – Если моя работа окажется успешной, с Тимура снимут обвинение в умышленном совершении теракта, повлекшего за собой человеческие жертвы, но могут инкриминировать соучастие. И ему понадобится адвокат, желательно, чтобы вы были в курсе с самого начала.

Сыщик чуть не прикусил себе язык. «Видимо, Станислав прав, и у меня сдвиг по фазе. Куда я тащу совершенно беспомощного человека? Если все будет развиваться примерно так, как я предвижу, никто данного человека всерьез не воспримет. Однако, если мне будет сопутствовать успех, адвоката могут

пристукнуть от злобы, просто так».

– О чем вы задумались, молодой человек? – спросил язвительным тоном хозяин. – Решаете, стоит ли посвящать этого старого пня, осколок прошлого, в кровавые будни дня сегодняшнего? Не пристукнут ли адвокатишку ненароком?

– Примерно так, Иван Максимович, – признался Гуров. – Сделаем так. Мы посетим тюрьму. Я разыскиваю сообщников осужденного. Факт, что розыскник в присутствии адвоката переговорил с парнем, не вызовет ни у кого подозрений. После свидания вы продолжаете заниматься текущими делами и Тимуром Яндиевым не интересуетесь. В случае, если вскроются новые обстоятельства, вы, как и положено адвокату, включаетесь в работу.

– Посещают, молодой человек, вернисажи, а встретиться с приговоренным к высшей мере – задача архисложная, для вас невыполнимая. – Хозяин говорил уверенно, но в его взгляде появился откровенный интерес. – Вы – особа, приближенная к императору?

– Просто я работаю в розыске четверть века, у меня много друзей, еще больше врагов. В принципе, Иван Максимович, это моя проблема. Если вам нанесут визит люди любопытные, интересующиеся, почему вокруг вас крутится полковник угро, дайте мне нелестную характеристику, мол, человек за деньги готов на любой обман пойти, морочит людям головы, изображает активность. Вы сожалеете, но ваш подзащитный виновен, решение суда правильно, в помилование Президентом вы не верите.

– Вынуждаете врать старого человека. Грешно.

– Ложь во спасение, бог простит.

– Лев Иванович, я считаю возможным, что обвинение против Тимура сфабриковано, но все пятеро свидетелей не могут быть подставными. У меня большое подозрение вызвал некто… – Адвокат замолчал, вспоминая фамилию свидетеля, не очень уверенно произнес: – Ивлев. По-моему, служащий банка. Он в автобусе сидел рядом с Тимуром, и тот якобы своим рюкзаком придавил Ивлеву ногу. Ивлев проехал на автобусе не много, вышел на ближайшей остановке – странный свидетель, от таких показаний плохо пахнет.

– Спасибо, Иван Максимович, – Гуров поднялся. – Когда я получу разрешение на посещение осужденного, я вас извещу.

Бояринов пошел провожать гостя, в гостиной, отворачиваясь от огромного холодильника, стесняясь, спросил:

– Что же, ко мне теперь без спроса так и будут приходить неизвестные и совать в холодильник продукты? И сколько же времени все это продлится?

– Мне бы найти таких чертей, у меня в холодильнике дохлая мышь валяется, с голоду померла. Вы, Иван Максимович, примите от людей причитающийся гонорар и живите без головной боли.

– А если замок сменить? – Бояринов вздохнул. – И поставить холодильник в гостиной! Ну надо же такое придумать!

– Я вам глубоко сочувствую, не выжимайте из меня слезу. – Гуров попрощался и ушел.

…Генерал Орлов пребывал в гневе, больше изображал, получалось у старого сыщика достаточно скверно.

Гуров, присев на любимый подоконник, курил, пускал дым в форточку, ждал, пока друг выдохнется. Сыщик не сомневался, гнев Петра был вызван не столько бесцеремонной просьбой, сколько генеральским мундиром, который Орлов был вынужден надеть с утра, так как топтался спозаранку на ковре у руководства, теперь переодеться лень, а мундир жал и мешал чувствовать себя комфортно. Можно достать из шкафа штатский костюм, помочь вернуться Петру в нормальное состояние, но известно, генерал стеснялся показываться без штанов, обнажив кривые волосатые ноги.

– Я тебе ясно сказал, что не знаю нынешнего начальника тюрьмы и не буду к нему обращаться с незаконной просьбой. – Орлов расстегнул блестящие пуговицы на груди, глубоко вздохнул. – Ты – спиногрыз, хочешь на чужом горбу в рай въехать.

Гуров ничего не ответил, соскочил с подоконника, достал из шкафа костюм шефа, повесил на край открытой дверцы.

– Переоденься, я пойду с Верочкой поболтаю. Между прочим, по твоей милости девчонка до сих пор не замужем.

– Наглец, она ходила замуж, а холостая теперь не по моей, а по твоей милости. Девочка всех мужиков на тебя примеряет, а ты, паршивец, размера не имеешь.

– Давай, давай! – Гуров вышел, прикрыл за собой тяжелые двойные двери.

В приемной, держа на коленях папки с бумагами, сидели два полковника. Увидев вышедшего Гурова, один из них поднялся, сыщик махнул на него рукой.

– И не думай, Витя, порвет на стельки. Мой вам совет: приходите после обеда.

– Лев Иванович, ты же в отпуске. И чего вы не поделили? – спросил второй посетитель, который был в погонах, несмотря на то, что в управлении форму надевали лишь в крайних случаях.

– Леша, тебе форма идет, – Гуров подмигнул Верочке, которая возилась с суперновым кофейником. – Иди в кадры – власти больше, и форма положена, и девочек хватает.

– Грубый ты мужик, Лев Иванович, – обиделся полковник. – Считаешь, ты один розыскник, остальные лишь прохожие.

– Леша, спроси у девочек, каждая скажет, тебе форма личит, – рассмеялся Гуров, услышал, как на столе Верочки тренькнул телефон, сказал: – О! Верунчик, это городской параллельный?

– Будто не знаете, – сердито ответила Верочка. – Вы уже женились или все раздумываете? Уйдет Мария от вас и правильно сделает!

– Я ей то же самое говорю, – Гуров показал Верочке язык и вернулся в кабинет генерала.

Орлов, уже в штатском костюме, накручивал телефонный диск.

– Никого не застанешь, на фронт ушли, поганцы.

Наконец Орлов соединился, спросил:

– Господин генерал-полковник? Некто Орлов беспокоит. Здравствуй, здравствуй, сейчас я выясню, насколько хорошо ты меня помнишь. Почему звоню не по вертушке? Так ты вроде на пенсии, у тебя спецсвязь должны отключить. Знакомства и старые друзья? Прекрасно, мне и нужны твои друзья. Ты местами заключения руководил. Неважно, что давно, люди ведь работают, своих командиров помнят. Понимаешь, дружище, моему парню необходимо встретиться с осужденным, которого приговорили к вышке, он ждет помилования. Сам, как известно, в отпуске, вернется, ему будет не до помилований. Где сидит? – Орлов взглянул на Гурова, выслушал абонента, сказал: – Правильно, там и содержится. У нас имеются серьезные подозрения, что осужденный был не один и банда гуляет. Почему раньше не спохватился? Руки только две, а дел много. Полковник Гуров. С гонором, говоришь? С этим у него все в порядке, бог делил на десятерых, отдал одному. Позвонишь, переговоришь? Спасибо, дружище. Как сам, как внуки?

Орлов прикрыл трубку рукой, сказал:

– Лева, о твоем дерьмовом характере даже на садовых участках знают. Шагай, позвони к вечеру.

Тимур Яндиев, адвокат Бояринов и полковник Гуров сидели на привинченных к полу табуретках за чистым деревянным столом. Комната была без окон, но воздух вполне приличный, не пахло не только тюрьмой, даже казармой. Тяжелая стальная дверь имела «глазок», в верхних углах комнаты внимательный человек мог обнаружить объективы телекамер, естественно, что помещение прослушивалось, разговоры записывались.

Адвокат с осужденным поздоровался, парень негромко и вежливо ответил, на Гурова взглянул безразлично. Полковник удивился, что парень был без наручников и внешне не походил на приговоренного к смертной казни: лицо спокойное, отнюдь не изможденное, осанка прямая, глаза, правда, пустые,

словно неживые.

– Иван Максимович, поговорите с Тимуром, я послушаю, – сказал Гуров и вынул тем временем из кармана цветные фотографии родственников Яндиева, разложил их перед Тимуром, рядом положил страницу печатного текста, приготовленную заранее.

– Что, Тимур, так и будем молчать? – Адвокат понимал, что является лишь ширмой, его слова не имеют значения. – На суде ты признал, что рюкзак со взрывчаткой принес в автобус ты, не собирался его оставлять, но в спешке забыл. Глупая, неловкая ложь, мальчик. Нам стало известно, что, кроме тебя, в теракте принимали участие еще несколько человек. Ты считаешь справедливым, что сидишь в тюрьме, ждешь помилования, а твои друзья гуляют на воле, вкусно едят и пьют, любят женщин?

Пока Гуров раскладывал на столе фотографии, Тимур не обращал на русского внимания, хотел снимки в сторону отодвинуть. Но вдруг взгляд его зацепился, рука вздрогнула, на бесстрастном лице появилась гримаса. Он не слушал адвоката, внимательно рассматривал фотографии, откладывал, снова брал в руки, поднял взгляд на незнакомого русского, придвинул лист с печатным текстом, прочитал:

«Тимур, обрати внимание на число, которое видно на газете. Снимки твоей родни сделаны два дня назад в Москве, сейчас твои близкие далеко, они в полной безопасности, их достать невозможно. Твоя жизнь – не твоя собственность, тебя родила мать, воспитали отец и дед, в тебе кровь предков, ты не имеешь права расплескать ее в тюремном дворе. Переверни страницу, напиши коротко, как все произошло. Мне нужно зацепиться за кого-нибудь из организаторов».

Гуров увидел, что парень прочитал текст дважды, положил перед ним авторучку.

– Тимур, кто дал тебе взрывное устройство, кто научил им пользоваться? – продолжал монотонно повторять адвокат.

Тимур медленно писал. Гуров поднялся, начал неторопливо прохаживаться по комнате, подошел к двери, махнул перед «глазком» рукой. Дверь не открылась,

спокойный голос спросил:

– Вы закончили?

– Нет, хотел пепельницу попросить.

– Вентилятор не работает, курить не положено.

– Ну извини, и тебе не болеть, – ответил Гуров, увидел, что Тимур писать закончил, подошел к столу, забрал ручку, снимки, лист бумаги, убрал в карман, сказал:

– Может так быть, что я случайно встречу кого-нибудь из твоей родни, что передать?

Тимур отвернулся, глухо произнес:

– Слава Аллаху!

– Слава, – Гуров кивнул. – Может, добавить, что ты любишь родивших тебя на свет отца с матерью, деда, который сажал тебя на коня, сестер, которых ты растил и учил уму-разуму? Сказать, что Аллах велик, но велел каждому человеку пройти свой путь до конца и бороться до последнего вздоха?

– Вы не чеченец, вы русский, – ответил Тимур.

– Русский, – согласился Гуров. – И не вижу в этом ничего плохого.

Бояринов и Гуров сели в «Пежо», проехали два квартала, свернули в переулок, сыщик припарковался, выключил мотор, вынул из кармана полученный от Тимура лист и перекрестился.

– Вы, Лев Иванович, нарушаете все существующие законы, – пробормотал адвокат, пытаясь развернуть листок, который держал Гуров.

– Извините, Иван Максимович, нарушить все я бы не сумел, законов очень много, жизни не хватит.

Он не разворачивал листок, не торопясь закурил, приспустил стекло, только затем развернул бумагу, просмотрел, передал адвокату.

– «Я ничего не знал. – Бояринов не обладал выдержкой и читал вслух. – Мне дали сумку, сказали, что в ней деньги для борьбы с неверными, посадили в автобус, велели сойти на площади Восстания, сумку оставить под задним сиденьем, ее заберут. Кто заберет, не знаю, со мной говорил русский. Человек нестарый, среднего роста, голова бритая, на руке выколот якорь. В первый день после ареста в камере какой-то русский, похож на бомжа, мне шепнул: если я распущу язык, семью вырежут. Отца, мать, деда и сестер назвал по именам. Бомжа скоро увели, больше я его не видел».

– Значит, мы правы, – произнес задумчиво адвокат. – Только вряд ли нам такая информация поможет. Все доказано, закреплено, такую записку никто не признает как вновь открывшиеся обстоятельства.

Гуров забрал у адвоката листок, положил в карман.

– Жизнь покажет, Иван Максимович. – Он тронул машину, взглянул в зеркало заднего вида, усмехнулся. – Сейчас я вас отвезу домой и пропаду на неизвестный срок.

– Лев Иванович, чуть не забыл вам сказать, – оживился адвокат, – а холодильник переставили из гостиной в кухню.

– С чем и поздравляю, вот видите, Иван Максимович, а вы не верите в нечистую силу.

Мария позвонила, сказала, что задерживается на съемках – менеджер разорился, директор ищет деньги, осталось всего два съемочных дня, группа в сборе, но работа стоит.

– При такой жизни, – сказала актриса, – начинается ностальгия по застойным временам.

– Плюнь на все и возвращайся, – сердито посоветовал Гуров. – Я тут деньги вовсю зарабатываю, скоро полетим на Канары.

– Я на что угодно могу наплевать, но на друзей не научилась. Я в кадре в помещение вошла, но не вышла. Из-за моей фанаберии люди должны другую актрису искать и всю сцену переснимать?

– Да нет, конечно, – Гуров немного сник. – Да и в отношении Канарских островов я слегка поторопился. У меня тут еще поле не пахано.

– Крепись и паши, подождем с Канарами. – Мария старалась говорить бодро, но Гуров чувствовал, настроение у нее отвратительное.

– Спасибо, что позвонила. Целую. – Гуров получил ответный поцелуй, положил трубку, прошел из спальни в гостиную, где собралась вся опергруппа.

Нестеренко, Котов и Василий Иванович Светлов разместились на диване, пили чай. Станислав, изображая Гурова, прохаживался по ковру, поглядывал на присутствующих свысока, увидев хозяина, Крячко упал в кресло, смотрел невинно.

– Неуемная энергия, завидую, – сказал Гуров. – И как же ты не устаешь, Станислав?

– Я выносливый, – Станислав потупился.

– Какие имеются соображения? – спросил Гуров, указывая на страничку с показаниями Тимура, которая лежала на столе.

– Похоже на правду, – заметил Гриша Котов.

– А как удалось вынести? – спросил Нестеренко. – Переписка осужденного с волей досматривается.

– Я имел в кармане заготовленный текст, – ответил Гуров. – Спросили, отдал бы, но, так как я присутствовал по распоряжению начальника, дежурный офицер решил со мной не связываться. Меня, Валентин, интересуют твои предложения, а не вопросы.

– Лев Иванович, я хотел сначала доложить о проделанной работе, – ответил Нестеренко. – Хвастаться нечем, но отсутствие результата – тоже результат. Гриша, хочешь сказать? – Он взглянул на Котова.

Тот отрицательно покачал головой, и отставной полковник продолжал:

– Виделись мы с четверыми свидетелями. О пятом скажу позже. Алексей Федорович Касьянов, двадцать восемь лет, челнок, ездит в Польшу, холостой, достаток умеренный. Сел в автобус у Белорусского, через две остановки вышел, видел, как Тимур вошел в автобус там же, на Белорусской, имел в руках небольшой рюкзак. Касьянов имеет «Жигули» пятой модели, в тот день машина находилась на станции техобслуживания: готовится к техосмотру. Проверяли, все верно, на станции Касьянов хорошо известен, платит нормально, прижимист, водку не пьет. Его сотрудничество с кем-либо из спецслужб считаю маловероятным.

– Спасибо, – Гуров взглянул вопросительно на Котова, который в очередной раз высморкался, нехотя сказал:

– Разрешите мне, Лев Иванович, в итоге несколько слов сказать.

– Хорошо, Валентин, продолжай, – Гуров присел на подлокотник плюшевого кресла.

– Коновалов Василий Гаврилович, сидел на заднем сиденье автобуса, когда Тимур вошел и сел рядом. Сорок лет, женат, двое детей, в прошлом инженер-электрик, сегодня работает шофером, обслуживает палатки у Белорусского, предполагаю, что основная его специальность – охранник. Он физически крепок, воевал в Афгане, уволился после ранения. Хороший семьянин, выпить может, но не злоупотребляет, не любит «черных». Для Коновалова что афганец, что чеченец – все едино. Человек он сдержанный, даже скрытный, однако разговаривал охотно, что настораживает. Семья живет в достатке, но не более того. Имеется машина «Жигули» третьей модели, но на ней больше ездит жена,

которая работает в Митине на кладбище. Там мы не были. Связи Коновалова со спецслужбой практически исключаю. Он оперативной информацией не располагает, работа, дом, связи, полагаю, ограниченны. Возможно, у него имеется любовница, деваха из палаток, где они и решают насущные проблемы. – Отставной полковник замолчал, выпил чаю.

Григорий Котов кашлянул, взглянул на приятеля многозначительно. Нестеренко отмахнулся.

– Лучше нос длинный подотри, ничего я не забыл, дай дух перевести. Будешь рожи строить, заставлю докладывать самого. Захребетник.

– А ты антисемит, – буркнул Котов и отвернулся.

– Григорий прав, в показаниях Коновалова имеется серьезное противоречие.

– Два, – поправил Котов.

– Лев Иванович! – Нестеренко развел руками.

– Взрослые сыщики, цапаетесь, словно дети, – усмехнулся Гуров. – Вам дня не хватает?

– С мысли сбил, морда, – пробормотал Нестеренко. – Так вот, когда Тимур в автобус вошел, то все места на заднем сиденье были заняты, рядом с Коноваловым лежал здоровенный рюкзак. Так свидетель его снял, место парню освободил, а утверждает, что «черных» не переваривает. Вы приказывали свидетелей не подлавливать, мы странный поступок мимо ушей пропустили. Так Коновалов сам об этом разговор начал, целую речь произнес. Мол, адвокат в суде из-за этого рюкзака душу вымотал. Почему да отчего и по какому случаю? А свидетель утверждает, что журнал смотрел, не разглядел морду подошедшего парня, потому рюкзак и снял, место освободил.

– А Коновалов должен был рюкзак не снять, а надеть, так как на ближайшей остановке вышел, – сказал Станислав.

– Верно, – кивнул Нестеренко, – тем более странно, что вышел он на одну остановку раньше, чем ему требовалось, он дальше по ходу автобуса живет. Коновалов хорошо запомнил парня и его маленький рюкзачок. Объясняет свою отличную память тем, что парень очень на чеченца похож, а рюкзачок у него был в точности такой, как у самого Коновалова, только развернут не полностью, а на одну треть.

– Отличная работа, – заметил Станислав.

– Место Коновалова занял Ивлев Эдуард Александрович. Когда он садился, рюкзачок Тимура ему помешал, парень поклажу передвинул и слегка придавил новому соседу ногу. Тот матюгнулся, обозвал Тимура черножопым, тут же вскочил и на ближайшей остановке вышел. Ивлева мы пока не нашли. Ему тридцать пять лет, садовод очень умелый, сам выращивает, сам торгует, женат, детей нет, имеет по Дорогомиловскому шоссе скромную дачку и двенадцать соток, которые краше, чем в Ботаническом саду. Дом и участок охраняют две здоровенные овчарки, еду из чужих рук не берут. Ивлева мы не застали, в семье явно нелады. Хозяйка разговаривать отказалась. Соседи полагают, Эдик либо запил, либо к бабе умотал, его не видели примерно неделю. За цветами приезжает «Волга», цветы берут оптом. Машину и водителя установить не удалось. У Ивлева «Москвич», почему он в день взрыва садился в автобус, неизвестно. Торговцы цветами у Белорусского Ивлева прекрасно знают, отзываются хорошо, жалеют, что «закладывает», но, говорят, мол, в цветах разбирается, равных нет.

Теперь свидетель, что стоял у двери, когда Тимур выскочил на Пресне, и утверждает, что у парня в руках ничего не было. Фетисов Юрий Юрьевич, тридцать пять лет, разведен, чем-то торгует, говорит, сейчас из одной лавочки ушел, в другую не устроился, в квартире вечно толкутся посторонние, участковый ему лучший друг, управы на Фетисова не сыщешь. Ничего особенного, водка, приятели, девки. Он якобы служил в Афганистане, но проверить не удалось. Нам предложил выпить, разговаривать о теракте и суде категорически отказался, пытался врезать по физиономии моему евреистому другу. Не получилось, полагаю, рука в гипсе.

– Станислав, плесни чайку, ты, когда не употребляешь, теряешь всякую душевность.

– Лев Иванович не велит. – Станислав налил в чашку остывшего чаю. – Я, как и вы, коллеги, иду куда велят да помалкиваю.

Гуров слушал пикировку оперативников безучастно, словно его и не было, а если и тут, так думает совершенно об ином. Станислав к манерам друга давно привык, а Нестеренко и Котов обижались, однако обиду не показывали.

– Последний свидетель, который вышел из автобуса одновременно с Тимуром, увидел взрыв и сдал парня двум омоновцам, которые пили баночное пиво в двух шагах от остановки.

– Терехов Семен Сидорович, сорок один год, женат, имеет дочь, работает клерком в коммерческом банке, – подсказал Станислав. – У него наверняка есть машина, как он оказался в автобусе, никому не известно.

– Очень даже известно, – парировал Нестеренко. – У одного из постоянных клиентов банка был день рождения. Проверено. Люди выпили. Терехов оставил свою «Ауди» на охраняемой стоянке у банка. Я полагаю, что свидетели не подставные, они люди разные, ничем не связанные, в агентурной сети или в ФСБ состоять не могут, так как доить козлов – дело пустое. У моего вечно сопливого напарника иная точка зрения, пусть он ее и излагает.

Котов тщательно высморкался, не очень решительно произнес:

– Со всем, что сказал полковник, я согласен, однако с выводами я бы поостерегся. Никто из перечисленных, видимо, не состоит ни в штате, ни в агентурной сети, однако возможная зависимость каждого от нас и ребят из ФСБ вполне вероятна, все они люди подставные, на них оказывается давление. Валентин утверждает, мол, все разные, ничем друг с другом не связаны. Все отчаянно храбрые, законопослушные и дисциплинированные. Станислав, ты видел розыскное дело, скажи, сколько свидетелей опрошено, сколько очевидцев выявлено?

Станислав перелистнул блокнот, глянул мельком, ответил:

– Шестнадцать человек.

– А должно быть опрошено не менее ста. Это я беру лучший, удачный вариант. – Котов сделал паузу. – Каждый из нас искал свидетелей. Шестнадцать опросили, пятерых нашли, да каких, железных.

– Терехов схватил Тимура и пошел в милицию сам, его не искали, – возразил Нестеренко.

– Лев Иванович, кончайте цирк, вы же отлично понимаете, обвинение слеплено! – возмутился Котов. – В нескольких метрах от остановки пьют пиво два омоновца. А у нас тут случайно в кустах рояль. Автобус взорвался в сорока метрах от остановки. Шок, люди шарахнулись, только позже любопытные начали подходить к месту катастрофы. А подвыпивший клерк банка сразу вцепился в Тимура Яндиева, начал орать благим матом. А почему вцепился? Мгновенно вспомнил, что парень вошел в автобус с рюкзачком, а вышел с пустыми руками? Не смешно. Да я по каждому свидетелю могу указать несколько нестыковок.

– Опытный адвокат на все несуразности указал. Однако приговор мы имеем. Да и не уговаривай меня, Григорий. Здесь каждый видит, обвинение слиповано. И твой дружочек Нестеренко видит, лишь тебя заводит. – Гуров поднялся, начал расхаживать по гостиной. – Видно, на каждого из них имеется компра, возможно, собран какой-то материал, готовили на вербовку. Когда идея провокации возникла, бумажки подняли, с человеками переговорили. Мол, так вот и так, поможешь изобличить террориста, мы о тебе забудем, будешь жить спокойно, в общем, старая как мир песня. Время и роли расписали – и вперед. А «свидетели» наверняка друг друга не знают, каждый думает, что он один такой особенный.

– Кроме любителя цветов Ивлева, – заметил Станислав. – Он меня сразу насторожил, я, ребята, вашу работу немного продублировал. Он действительно запойный и гулящий. Однако не в сентябре, когда самые цветы и работа. У него, если так можно выразиться, гулянка по расписанию. Он сорвался не вовремя, думаю, почувствовал, что гробит невиновного.

– Возможно, – согласился Гуров. – Но на одном свидетеле далеко не уедешь. Допустим, мы его найдем, приведем в сознание, спрячем, поработаем с ним. Ивлев до конца никогда не расколется, а вот мы раскроемся полностью. Дураку станет ясно, розыскники не ищут соучастников, а рушат обвинение. Пара других свидетелей попадет под машины, оставшихся в живых испугают до смерти, мы, если будем упираться, перестанем работать, начнем бороться за жизнь.

– Критиковать я тоже умею, – рассердился Станислав. – Лев Иванович, раз ты такой умный, не советуйся с подчиненными, давай задания.

– Нам нужен русский мужик с наколкой на кисти, который давал задание Тимуру, – ответил Гуров. – И бомж из камеры, знающий ближайших родственников Яндиева.

– А лампу Аладдина не возьмешь? – усмехнулся Станислав.

– Возьму, – серьезно ответил Гуров. – Конечно, инструктор не лысый и наколки у него нет. А камерный агент вовсе не бомж, и окрас у него иной. Но этих людей разыскать необходимо, от них ниточки ведут наверх.

– Сказать легко, – не сдержался Крячко.

– Ты хотел задание, считай, получил, думай, как выполнить. – Гуров, как обычно, пожал плечами. – Или ты, Станислав, желаешь, чтобы я и думал, и работал за тебя? А ты бы резонерствовал да людей смешил?

– Побойся бога, Лев Иванович! – искренне возмутился Крячко. – Да этих людей давно в Москве нет.

– А где же они? Сотрудники либо сильные действующие агенты – люди не разового использования. Так профессионалов не напасешься, на них острый дефицит, а у ФСК, да и у наших подонков нет скатерти-самобранки. Да и потом, мы должны понимать, что имеем дело не с контрразведкой и уголовным розыском, лишь с группой, собранной из различных подразделений. С людьми, конечно, профессиональными, но далеко не лучшими, хорошо законспирированными, жадными, злыми, но и пугливыми. Заговорщики всегда трусоваты, они ловят рыбку в мутной воде, всего боятся, друг другу не верят. В связи с постоянными перетасовками они не могут быть хорошо организованы. Следует ухватить кончик, дальше станет легче.

– Лев Иванович, будем реалистами, – сказал Нестеренко. – Если мы совершим невозможное и ухватимся, либо веревочку обрубят, либо нас убьют.

– Валентин! Я могу освободить тебя сегодня! Ищи другую профессию, возвращайся в охранную фирму, отращивай живот!

– Лева, – неожиданно подал голос Светлов, сидевший так тихо, что о нем все забыли. – Ты, сынок, людей не обижай, они живые, умирать не хотят.

– Василий Иванович, ты меня не учи! – Гуров крайне редко повышал голос.

– А кроме меня, тебе правду сказать некому, – флегматично ответил Светлов. – Ты когда в МУР пришел, я уже сыщиком был. Валентин боится, потому и живой покуда. Ты, Лев Иванович, свою стратегию определяй, мы тебя уважаем.

– Спасибо, Чапаев. – Гуров кивнул Нестеренко: – Извини. Значит, так, Станислав, снова отправляйся в МУР. Агент в камере, естественно, содержался под вымышленным именем. Никто и никогда тебе человека не назовет. Однако кто-то из оперативников агента в камеру помещал, за кем-то он числился. Агента ты не найдешь, оперативника нащупаешь. Известна точная дата пребывания агента в камере, у дежурного отмечено…

– Лев Иванович, не учи, пожалуйста. Значит, определить инспектора, сблизиться с ним. Придумать легенду, кто конкретно из содержавшихся в те дни в камере меня интересует. Об агенте и Яндиеве не говорить ни слова. У опера должны быть лишние деньги, так или иначе они проявятся. Могу я этому парню забросить крючок, мол, в министерстве хороших розыскников не хватает?

– Можешь, хороших розыскников всегда не хватает. Но скажешь это лишь в том случае, если он подходит по возрасту, стажу и опыту работы. Иначе и он, и тем более его начальник тебя раскусят.

– Петровка, все ночи, полные огня, – переиначивая слова популярной блатной песни, запел Станислав, начал убирать со стола бумаги.

– Теперь вы трое, – Гуров оценивающе оглядел Светлова, Котова и Нестеренко. – Приметы «инструктора», назовем его так, слабенькие, однако если вдуматься, то кое-что существенное имеется. Возраст, рост, комплекция. Скажете, таких не счесть. Неверно, вот из нас так ни один не подходит. Бритая голова – безусловно искусный парик. Значит? – Он взглянул на оперативников вопросительно. – Значит, он недавно постригся наголо, иначе парик хорошо сидеть не будет.

– А может, человек лысоват в натуре? – сказал Светлов.

– А не проще было надеть на него кепочку или шляпу? – заметил Нестеренко.

– Он встречался с Тимуром в кафе, – возразил Гуров. – Головной убор – вещь в принципе опасная, можно по рассеянности снять, зацепиться за ветку дерева. Нет, он брился, сейчас, конечно, оброс и хорошо пострижен. Чапаев, ты возвращаешься на два дня в гараж, колупаешься со своей тачкой, скажи, получил отгул, сам приглядись, не увидишь ли чего интересного. А вы, ребята, поговорите с бывшей агентурой. Мужик по окрасу должен быть серьезный. Ну и, как говорил Станислав, деньги. Лишняя сотня тысяч из кармана нищего всегда торчит. Ну, с богом, и учтите, в данном деле лучше до цели не дойти, чем переступить черту.

Глава 4

Генерал-полковник Борис Петрович Агеев вернулся с совещания в отвратительнейшем настроении. Впрочем, он уже и не помнил, когда настроение у него было иным. В России, где армию всегда чтили, а перед многозвездными генералами просто трепетали, сегодня не плевал на армейских только ленивый. У генерала, несмотря на минувшее недавно шестидесятилетие, была прекрасная память. И он прекрасно помнил, как сравнительно недавно на Старой площади сопливый референт или помощник, у штатского чин не разберешь, выдерживал генерала в приемной часами, сам болтая по телефону черт знает о чем. А позже партаппаратчик, даже не заведующий отделом, который в жизни в руках ружья не держал, дышал на генерала перегаром и выговаривал невесть что, путая полк с батальоном.

Было, было, Борис Петрович ничего не забыл, но при старом режиме существовал порядок, отполированная тысячами предшественников иерархическая лестница. С заслуженной тобой ступеньки снимали крайне редко, если совсем наложил в штаны, передвигали в другой подъезд, но на ту же ступеньку.

Сегодня генерал-полковник, ордена надеть невозможно, на груди не умещаются, не знает, кому и слово сказать можно. Собратья по оружию дрожат, не знают, завтра машину подадут или на своей личной на дачу отправляться. Неизвестные штафирки-чиновники смотрят свысока, задают хамские вопросы, типа того: из какого кирпича загородный дом, да кто его строил, да сколько он стоит? Словно у него, генерал-полковника Агеева, в жизни других забот не было, чтобы он лично о подобной ерунде думал.

Все перестраиваются, с экономикой вроде покончили, за армию взялись. А чего ее перестраивать, еще Петр Великий указ издал, и исправно действует. Профессиональная армия? А кто, интересно, фашистов через всю Европу до самого Берлина гнал? А сегодня с Чечней замириться собираются, видите ли, люди гибнут. Так с сотворения мира войны не затихают и люди гибнут, так положено.

Правда, у некоторых однокашников сыновей там поубивали. Так виданное ли дело, чтобы сын большого генерала дальше штаба куда высовывался? Надо эту Чечню отутюжить танками и забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leonov_nikolay/zaschita-gurova

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити